

Марина и Сергей ДЯЧЕНКО



Варан

Бродячая Искра

Марина и Сергей Дяченко

Варан

«Автор»

2004

Дяченко М.

Варан / М. Дяченко — «Автор», 2004 — (Бродячая Искра)

Ты можешь летать на птице или нырять на оседланном змее, дружить с магами и бороться с чудовищами – но какие бы чудеса ни творились вокруг, тебе обязательно захочется узнать больше. Заглянуть за край привычного. И тогда придется, бросив дом, бродить из края в край необъятной Империи, искать единственного человека – того, кто разжигает огонь в очаге, кто знает, куда уходят люди после смерти...

© Дяченко М., 2004

© Автор, 2004

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	18
Глава третья	46
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Марина и Сергей Дяченко

Варан

Часть первая

Глава первая

Варана привезли на почтовой лодке. Среди мешков и ящиков старого Макея пассажир выглядел нелепо – смешной коротенький плащ поверх щегольского светлого костюма, над головой перепончатая штука, очень похожая на зонтик (когда лодка подошла ближе, Варан убедился, что это зонтик и есть, только не от солнца, а от дождя. С такими игрушками ходят только верхние: приемщик с горной пристани, например, в межсезонье смешит весь поселок своим клетчатым зонтом с кружевами).

Было тихое серое утро. Ударяясь о воду, каждая капля дождя подпрыгивала звонким столбиком, будто желая вернуться в небо, и оттого море казалось ворсистым. Широкая, почти квадратная плоскодонка шлепала по морю лопастями бортовых колес. Старый Макей вертел педали; пыхтение и покрякивание почтаря разлеталось далеко над водой. Пассажир праздно сидел на корме.

– По-очта! – торжественно прокричал Макей, хотя никого, кроме Варана, на пристани не было. – Добрые люди, примите поклон от близких ваших и далеких, за добрые новости благословите Императора, за дурные прокляните Шуу! По-очта!

Голос у старика был не то чтобы приятный, но раскатистый. Варан заметил, как чужак под зонтиком морщится, явно борясь с желанием заткнуть уши. Еще подумает, что Макей напоказ горло дерет!

Варан вдруг обиделся за старого почтаря. Макей никому не кланялся, но уважал однажды заведенный порядок и бороду расчесывал надвое даже тогда, когда приходилось неделями болтаться в открытом море. Не окажись в округе ни души, Макей все равно прокричал бы уставное приветствие почтового цеха, только не станешь ведь объяснять это молодому франту, развалившемуся на корме со снисходительной ухмылочкой...

Лодка причалила.

– Привет, дядь Макей.

– Привет, Варашка. Это самое, кхе...

Ненатурально закашлявшись, Макей обернулся к пассажиру:

– Прибыли, это, ваша милость.

Милость сложила зонтик, кисло улыбнулась и, балансируя в шаткой плоскодонке, поднялась на ноги.

Милости было на вид лет восемнадцать. Беспцветные мягкие волосы, невероятно длинные – до плеч, наверное, – торчали из-под низко надвинутого капюшона. Тонкие губы по цвету не отличались от бледных щек; самым ярким пятном на лице прищельца был нос – ярко-красный, распухший от насморка, с нервно трепещущими ноздрями.

– Гости к вам, – Макей покосился на Варана. – Вернее, не гости, а... это, *горни*.

Почтарь испытывал, по-видимому, затруднения. Пассажир его был одет и снаряжен как важная особа, но выглядел как простуженный сопляк и держался без подобающего достоинства – вот выбрался на каменный причал, не дожидаясь, пока сбросят трап... Опять же, если ты в самом деле горни – почему не путешествуешь *верхами*?

Оказавшись на суше, чужак первым делом поскользнулся и чуть не упал:

– Ой... Добрый день, уважаемый. Я к вам с поручением от Императора.

Сказано было просто и буднично.

– Ко *мне*? – поперхнулся Варан.

– К вашему князю, – пришелец снова поскользнулся на ровном месте, неуклюже взмахнул руками, пытаясь удержать равновесие. – Туда, – и неопределенно ткнул пальцем в перепончатую изнанку своего зонтика.

Макей бросил на причал два пузыря с почтой – для поселковых и для верхних. Махнул Варану рукой: я, мол, свое дело сделал. Сел на педали, резко крутанул назад, так что вода у пристани закипела. Лодка отошла от берега, оставляя явственно различимый след на воде.

– Мне, наверное, следует предъявить верительные грамоты? – спросил чужак и неуверенно чихнул.

Лодка Макея медленно уходила за мыс – к рудокопам, на Малышку. Варан закинул на плечи оба пузыря; мешки были легкие, накануне сезона у людей поважнее занятия, чем на ракушке ножичком корябать, однако Варан согнулся под ношей и с натугой засопел: пусть пришелец видит, что ему тяжело. Что у него заняты обе руки. И что нести деревянный сундучок, сиротливо стоящий посреди причала, кроме владельца, – некому.

Чужак, помедлив, взял сундучок за кожаную ручку. Поднял легко; да он пустой, подумал Варан почему-то с раздражением. Для виду таскает с собой господский деревянный сундучок, только чтобы за важную птицу его держали. Или продать собирается. Или вообще украл где-то. А вся его болтовня насчет поручения от Императора – вранье, хуже того – поклеп и ересь...

– Может, мне все-таки предъявить грамоты? – настойчивее спросил чужак.

– Идемте, горни, – сказал Варан. – Кому надо – предъявите.

И, не оглядываясь, привычно прыгая с камня на камень, двинулся к берегу. Мешки с почтой тихонько звякали и покалывали спину.

Чужак отстал. На тропинке под козырьком Варану пришлось дожидаться его, сгрузив пузыри наземь. Господинчик не раз и не два оступися, провалившись по колено в воду; зонтик он наконец-то закрыл и спрятал под мышку. Дошло наконец-то: рыбке зонтик не нужен... А может, просто сил не хватило мучиться с сундучком и зонтиком одновременно.

Варан ждал соплей и проклятий и немало удивился, разглядев на лице господинчика улыбку. Соплей, правда, тоже хватало: пришелец бесконечно чихал, вытирая нос раскисшим кружевным платочком.

– Мокро у вас, – весело сказал пришелец. – Небось сезона ждете?

– А то...

– А где народ? Безлюдно как-то, на пристани ни человечка, и на берегу...

Варан хотел сказать, что поскольку милость не предупредила о визите заранее, то и трубачей с волынщиками пригласить забыли. Но придержал язык. Мало ли.

– Донные сеют... Ковчег латают... Сами же говорите, сезона ждем, вот и сытухи вчера от берега откочевали, а стало быть, скоро забулькает...

Почему я так много говорю, подумал Варан с неудовольствием. Кто я ему – староста, отчет держать? А кстати, еще вопрос, на месте ли староста, не уперся ли с утра пораньше сетки на своем поле класть... Отец говорил – все лучшие сетки себе забрал, скотина.

– Это... хорошо, – сказал господинчик. Слышно было, что он запыхался.

– Что хорошего-то? – не очень почтительно отозвался Варан; сейчас они шли по сухой террасе под каменным козырьком, Варан впереди, приезжий – сзади. Терраса вилась по краю скалы, по спирали, все выше. Мешки кололи спину: что же они, паразиты, ничего мяконького в пузырь не подложили?!

– Хорошо... что сезон... так скоро, – сказал невидимый за спиной господинчик. – Не представляю... как вы тут и живете...

Варан соорудил дикую рожу, за которую не раз перепало на грибочки от отца. Но сейчас все равно ведь никто не видит.

– Хорошо живем... Репс жуем, рыбу жрем. Безделушки клеим из ракушек... Сезон вспоминаем. До следующего сезона.

– Помедленнее, – сказал приезжий. – Дышать тяжело.

А ведь он точно потомственный горни, подумал Варан. Тут не притворишься. И родился, видать, наверху... Потому и мокро у нас, и плохо, и дышать, вишь, нечем.

– Скоро прибудем, – пообещал, смягчившись. – Вон, дымки показались...

Поселок издали казался присевшим на землю облаком. Стелился по земле дым, и поднимался пар над плоскими каменными крышами. Волоча за собой, как хвост, слабющего господинчика, Варан двинул прямо к дому старосты.

– Карп, а Карп! Почта пришла, и дело еще есть...

– Почту положи под дверь, а дело подождет, – отозвался сиплый голос. – Дверь не открывай, слышь: сухо у меня. Потом дело.

Но прежде чем Варан успел что-то сказать в ответ, приезжий отодвинул его с дороги и толкнул просмоленную дверь.

– Я сказал – не открывать! – рявкнул староста. – Ну, ты у меня получишь, дрянь такая!

Варан не нашел ничего лучшего, как шагнуть внутрь вслед за чужаком.

У старосты и вправду было сухо. С потолка свисали набухшие соляные мешочки – из тех, что вытягивают пар из воздуха, как губка – воду. Пол был покрыт хрустящим слоем розовой и голубой соли; сам Карп, в домашней тканой одежде, сидел перед очагом со вкусной миской на коленях. Не рыба, насколько смог разглядеть Варан. И не репс.

Сглотнул слюну.

– Прошу прощения, – сказал господинчик, выпрямляясь и делаясь похожим на настоящего господина. – Я прибыл на Круглый Клык с Императорским поручением для вашего князя... Готов предъявить верительные грамоты.

Карп, надо отдать ему должное, не поперхнулся овощным рагу (а в миске было именно рагу!). Смерив взглядом чужака, мельком глянув на Варана (тот догадался плотно закрыть дверь за пришельцем), староста осторожно поставил миску на низкий каменный столик. Наклонил голову, сделавшись удивительно похожим на рыбу-горбунью:

– Извольте.

Варан переступил с ноги на ногу. Соль под сапогами хрустнула басовито, влажно, недовольно, но это еще что: вокруг мокрых башмаков пришельца драгоценный соляной ковер не только напился, но начал подтаивать.

Чужак наклонился над своим сундучком (резной сундук из цельного дерева! Варан видел, каким взглядом староста зыркнул на вещичку: кто-кто, а Карп в таких делах разбирается). Откинул крышку; сундук не был пустым, как подозревалось Варану. Он был набит тонкими свитками бумаги. Сухими хрустящими свитками, так что легкое содержимое сундука было, пожалуй, дороже оболочки...

И как его только по дороге не ограбили, удивился Варан.

– Мои документы...

Чужак развернул что-то на ладони.

Варан отпрыгнул. Над раскрытым бумажным листом разгорелось радужное сияние; с легким потрескиванием запрыгали искорки. Староста выпучил глаза, неосознанным жестом приложил два пальца к губам, отгоняя Шуу и ее приспешников.

– Изучите внимательно, – сказал пришелец, и Варану померещилась в его голосе издевка. Как же, ткнул провинциальных крыс носом в настоящую Императорскую печать...

Староста, к чести его, взял себя в руки почти сразу.

Не торопясь, поднялся; отвесил официальный поклон – не выше, но и не ниже, чем следует. Вытянул шею, изучая документ внимательнее; важно кивнул:

– Добро пожаловать на Круглый Клык, горни Лереала...ру...руун. Какого рода услуги вы желали бы получить, э-э, от местных властей?

Варан приподнялся на цыпочки. Разглядел на бумаге играющее всеми красками поле, на нем – выпуклое, будто живое, лицо чужака-горни – без капюшона, с сухими волосами и не разбухшим, здоровым носом, загорелое и строгое до суровости. Буквы не успел прочитать.

– Только одну услугу, – чужак со смешным длинным именем сложил бумагу, погасив тем самым сияние. – Доставьте меня наверх без промедления. Желательно прямо сейчас.

– А-а, – староста кашлянул, прочищая сиплое горло. – Э-э, горни... Не знаю, есть ли сегодня транспорт... Ты! – он резко обернулся к Варану. – Батя сегодня воду отправляет?

– Вчера отправлял, – буркнул Варан, не желая, впрочем, открыто дерзить. – А сегодня у него винт недовернут.

– Пускай довернет винт, – ласково сказал староста. – Видишь – горни спешит, неохота горни с нами, селедками, мокнуть... Значит, беги к бате, пусть наворачивает винт и пусть отправляет горни. Печать Императора – ему что, жить надоело?!

Варан чуть не задохнулся от возмущения. Так вот, играючи, спихнуть заботу с собственной спины на чужую да еще Императора приплести, Шуу тебя отыгни...

– Да как... вчера же летали... а пружина – ее же заводить надо... что же гонять полузаведенный... А вдруг не долетит, свалится, что тогда?

– Бате, стало быть, приказ Императора и не приказ вовсе? – ласково осведомился староста.

Варан беспомощно глянул на пришельца-горни.

Тот стоял в лужице оплывающей соли, капюшон откинут на спину, волосы, и в самом деле длиной почти до плеч, прилипли к голове. В опущенной руке – верительная грамота с радугой внутри.

– Такой у нас народ, – со вздохом заключил староста. – Ленивый народ и хитрый, что твоя ухвертка, как для своего поля – из кожи вон, а как для общины или вот для государства – тут вам тысяча причин, стонадцать отговорок – и то, и это... Загор-одноглазый, этого вот тунеядца родитель, у нас подъемником ведает. Я вам, горни, записочку-то напишу – пусть выдадут вам поесть, попить теплого, одежду сухую, а то вы в поддонье, вижу, нечастый гость... – Староста мягко хихикнул. Пошарил рукой в нише стола, вытащил большую тусклую раковину, вынул из-за уха стило, поспешил за чем-то, начал царапать. Звук получался едва слышный, но донельзя мерзкий.

Варан проглотил горькую слюну. Бесплезно спорить, этот жирный сом всегда побеждает, сетка лучшая – ему, овощное рагу в миске – ему, тунеядцем обозвать, сопляком, мерзавцем – всегда пожалуйста, и не смей в ответ посмотреть косо...

– Чего зыркаешь? – Кажется, староста ощутил его взгляд склоненной макушкой. – Позыркай мне... Вот для отца записка. Что указано – все исполнить, из общины потом возместим... Ну-ка пшел. Шкуркой за горни ответите, и ты, и отец... Пшел!

И поклон этому Лереала... как его там. На этот раз низкий поклон, подчеркнуто почти-тельный. Распахнутая дверь, клубы пара... Варан едва успел увернуться, чтобы не получить пинок под зад.

Это счастье Карпу, что Варан увернулся. Потом, конечно, кисло пришлось бы... Но домашнюю тканую рубаху старосте долго отмывать пришлось бы... от крови из разбитого носа...

– А ты злой, – сказал горни и снова чихнул. – Глазами искры высекаешь... Сундучок-то возьми.

Варан – некуда деваться – взялся за кожаную ручку деревянного вместилища сокровищ. Оказалось, что сундук не так легкий, как думалось прежде; на самом деле он был тяжелее обоих мешков с почтой, мокнувших здесь же, под крыльцом.

– Куда идем? – поинтересовался сопливый горни.

Чтобы тебе у Шуу в заднице застрять, молча пожелал ему Варан. И так же молча кивнул, указывая направление.

* * *

Три сезона назад, когда Варану было четырнадцать лет, он чуть не ушел с плотогонами.

Они являлись обычно в первый месяц осени, когда любой голодранец в поддонье богат, как король, когда всем срочно требуются новые косяки для дверей, новые лодки, снасти, смола, древесина. Обычно их замечали на горизонте за день до прибытия – в центре колоссального плота возвышалось колесо с бегущими в нем людьми, огромные лопасти поднимались и опускались, вспенивая воду, но плот продвигался, как пьяная черепаха, – так был тяжел, многослоен, высился над водой и глубоко уходил под воду, и вся его чудовищная масса была – древесина из дальних стран, белая и желтая, твердая и мягкая, почти неподвластная гнили, душистая, свежая древесина.

Был бы в межсезонье ветер – ставили бы, наверное, парус. Но сезон прошел, и с ним улеглись ветры, и легкие игрушки богатых горни – лодки под цветными парусами – нашли пристанище где-то в пещерах верхнего мира... Плотогоны двигались неторопливо и торговались основательно, все были кряжистые, с белыми или желтыми лицами, с бородавками-сучками, будто наспех вытесанные из дерева. У каждого за поясом имелся кривой кинжал, а кое у кого – меч или арбалет за спиной: плотогону есть что терять. Они ходят по морям верхом на куче денег – неудивительно, что охотников за плотами куда больше, чем лесорубов. Каждому охота оседлать чужой плот – и плестись черепашиным шагом от острова к острову, покуда плот не растает, а кошелек – не раздуется, словно пузырь...

Иногда дерево, выставленное на продажу, бывало полито кровью. Суеверные не хотели брать; плотогоны скалились: не надо. Другие возьмут. Что тебе эта ржавчина: высохнет и осыплется, в огне сгорит – не заметишь, дождем смоет – и не станет ее...

А однажды у Круглого Клыка встал на торги огромный плот с измененными хозяевами. Толпа головорезов, один другого страшнее, среди них и опустившиеся горни, и поддонки, и белые, как лед, чужестранцы – жутколицые, в шрамах. Чистого дерева в связках почти не осталось – а плотогонов не осталось никого, известно, что они в плен не сдаются. Ничего хорошего в плену их не ждет.

В первый день поселок, потрясенный, не вышел на торги. Выставили стражу, зарядили единственную пушку, послали наверх, князю, мольбу о защите. Ответ пришел незамедлительно: выяснить досконально намерения торговцев. Если они в самом деле древесину продают – зачем крик поднимать? Гарнизон на верхушке маленький, а Императора тревожить, патруль вызывать – так готовы ли поддонки по чести ответить, если вызов окажется ложным?

Начались сомнения. Кто-то кричал – кровавую древесину не берите! Ничего хорошего она вам не принесет. Убийцам свои деньги отдадите – будете с ними в сговоре, мертвые плотогоны не простят, да и бессовестно это, люди, подумайте...

Отец Варана стоял посреди квадратной поселковой площади, стоял неподвижно, уперши руки в бока, а вокруг него прыгал, надрывался сосед Соля:

– А если не будет других в этом году? А если не будет больше никакого дерева, только это? Чем топить будешь – волосами своими? Бородой?

Отец Варана играл желваками, но с места не двигался и в ответ ничего не кричал. На третий день поддонки потихоньку, по одному потянулись к берегу – на торги. Прятали глаза;

древесина оказалась на редкость дешевой, брали помногу, весь берег заставили пирамидами бревен, только отец Варана не взял ни сучка.

Через неделю пираты ушли на изрядно подтаявшем плоте.

Других в том сезоне не было, как ни ждали. Где-то в середине осени у Варана в доме не стало чем топить; отец покупал сушняк наверху – сухие водоросли, которыми обычно растапливали самое мокрое, самое неподатливое дерево. Сушняк стоил дорого и сгорал в одно мгновение.

В доме было сыро и холодно. Мелочь плакала; отец сжег в очаге лодку. Все, что было в доме деревянного, одно за другим отправилось в печь.

В начале зимы кто-то подбросил под дверь груды поленьев. Все они казались чистыми, светлыми, теплыми; тринадцатилетний Варан, помнится, долго сидел, баюкая одно поленце, разглядывая узоры, вдыхая непривычный запах...

Тогда мать Варана, не сказавшая отцу ни слова от печально памятных торгов, наконец раскрыла рот.

– Возьми, – сказала она.

И он взял. Не оставил дерево мокнуть под дождем, как намеревался сначала.

Всю зиму соседи тайком им помогали – кто поленце, кто десять, кто груды. И всю зиму отец молча брал их подношения.

Сильно изменился с тех пор. Много пил. На Варана иногда срывался, бил, чего прежде никогда не было...

Хорошо хоть, девчонок не трогал.

И Варан решил уйти; по ночам ему снились древесные прожилки. Он воображал земли, где деревья растут не просто выше человека – до неба; наверное, под ними даже можно прятаться от дождя. Ему снился лес – таким, как о нем рассказывали давным-давно настоящие плотогоны, кряжистые, в сучках-бородавках; показывали на срезе годовые кольца, и у Варана сам собой открывался рот: это дерево втрое старше его? А это – в десять раз?!

В его сне пахло смолой и листьями. Дома пахло дымом и сырой рыбой, отец сидел на каменной лавке, хмурый и пьяный, и цеплялась за штаны мелюзга, выпрашивала сладенького... Только где его возьмешь, сладенького, если все, что заработали в сезон, спустили на дорогуший жаркий сушняк?

Варан решил уйти.

В сезон его решимость не только не улетучилась, но даже окрепла – специально выискивал приезжих и, продавая покрытые лаком безделушки из ракушек, заводил разговор о дальних странах. Рассказывали охотно – и о лесах, и о залитых травой степях, и о снежных пустынях. О странах, где всю жизнь можно бродить по дорогам и ни разу не замочить ног; о странах, где нет гор, но есть глубокие овраги. О странах, где живут люди с золотой кожей. О странах, где камни живые, а реки разговаривают...

Плотогоны пришли поздно, в конце первого месяца осени. Варан нанялся помогать на разгрузке – был он хоть и пацан, но сильный и умелый. Его поставили рубить сучки – он работал чисто и весело, как брадобрей в цирюльне для горни; за несколько дней до отплытия плота Варан пробился к капитану и попросился в помощники.

– Фу! – сказал капитан и сморщил нос. – Да сколько ты вешишь? Будешь ползать в колесе, как муха по потолку!

И добавил, видя недоумение Варана:

– Мне тут не юнги нужны и не сучкорубы, а крутильщики в колесо, чтобы шагали неделями и не ныли... А ты с твоим весом – лишний рот!

Варан поклялся, что нацепит на спину мешок с камнями и будет ходить в колесе с дополнительным грузом – а про себя подумал, что, добравшись до берегов, где растут леса, можно будет просто удрать, да и дело с концом. Капитан ухмыльнулся и подумал, что мальчишка

может думать что хочет и что его следует продать с выгодой где-нибудь в свободных водах, на самой окраине Империи.

Ночью накануне отплытия Варан тайком перебрался на плот, и на заре следующего дня они отчалили – продавать древесину, а потом (очень скоро, как мнилось Варану) в далекие земли, в леса, на край света.

На второе утро плавания Варан уже не был настроен так радужно. После ночной вахты ныли ноги и плечи и разрывалась грудь, а порция воды оказалась такой маленькой, что приходилось слизывать стекающие по лицу дождевые струйки. Варан даже не испугался, когда через несколько часов после рассвета на горизонте появилась весельная лодка, куда более быстрая, чем плот. В лодке сидели отец Варана, староста и смуглый чернявый горни – представитель, как выяснилось, самого круглоклыкского князя.

На переговорах тройки с капитаном Варан не присутствовал. О чем говорилось, так и не узнал. Отец велел ему прыгать в лодку, он и прыгнул, и сразу сел на весла.

Всю дорогу до дома – почти день пути – не было сказано ни слова. Варан ждал чего угодно – ремня, палок, заточения в каменном подвале с водой и жгучими медузами...

Ничего не было. Мать повсхлипывала, но слова в упрек не сказала. А отец с этого дня странным образом ожил – будто проснулся. Бросил пить, возился с малявками, обучая их грамоте, пел на свадьбах – можно сказать, стало все, как прежде...

Вот только леса, закрывающие небо, и переплетающиеся далекие дороги – прожилки на древесине – иногда снились Варану, особенно осенью, когда запах осенних плотов стоял над мокрым берегом и влажная блестящая кора казалась живой, погладь ее – инстинктивно дернется...

* * *

Отца не было дома. Малявок тоже не было – мать забрала с собой в поле. Внутри приземистого каменного здания царила сырость, разве что сверху не капало, и за то слава Императору.

Первым делом Варан нашел немного сушняка в тайнике (последние припасы перед началом сезона!) и развел в очаге огонь. Зашипели сырые дрова.

...Радужное сияние. Такое же, только не в пример тусклее, исходит от крупных денежных пластинок. Королевские маги кладут на деньги печать, которую никто на земле и на воде не в состоянии подделать. Варан много раз слышал и от отца, и от плотогонов, и от купцов, да и от тех же рудокопов на Малышке – Империя стоит не на остриях мечей, не на крыльях летучей королевской гвардии, не на воле седых подземных магов, – а на легких пластинках императорских денег. Денег, которые не горят в огне и не тонут в воде, которым доверяет и поддонки и горни, денег, источающих радужное сияние...

Там, в подземельях имперской столицы, седые маги сидят за длинным столом, и у ножек их резных кресел лежат, свернувшись, их собственные чешуйчатые хвосты. Говорят, раз в семь лет маг сбрасывает хвост, в точности как ящерица, и тогда может ненадолго выйти на поверхность, показать себя людям, явиться на прием к Императору... А хвост потом вываривают в бронзовом котле и готовят снадобье, продлевающее жизнь на семь лет, ровно на семь, ни секундой меньше...

Стало быть, простуженный чужак не так давно спускался в подземелья к магам... Или верительную грамоту ему дали уже готовую? Кто он такой в этом случае? И почему путешествует низом?

– Вы бы присели, горни, – пробормотал Варан, делая вид, что очень занят очагом.

Гость не ответил. Варан обернулся.

Горни топтался посреди комнаты, разглядывая ее с удивленной брезгливостью. При-
сесть? – читалось в этом взгляде. Куда? Заплесневевшие стены, влажная каменная скамейка
вдоль стены, кучки соли в углах, портрет Императора – вернее, темная доска с очертанием
человеческой головы, а внизу написано, что это Его раторское Вели Спо (надпись была такая
же старая и облезлая, как сам портрет, и прочитав ее до конца еще никому не удавалось).

Варан уставился в огонь. Говорить не хотелось, да и не надо было говорить. Ради офици-
ального и полномочного сопляка отец пустит винт с половинной загрузкой, а значит, потеряет
два дня торговли перед самым сезоном. Сверху кричат – воды, давай еще воды, резервуары
неполные... Снизу кричат – налог, давай денег, винт принадлежит общине, а вода принадлежит
Императору, как и все, что приходит с неба... Малышня будет давиться рыбой и выпрашивать
морской капусты, но начнется сезон, и о жалобах забудут. В сезон никто не болеет, никто не
ноет, в сезон даже целуются редко – не до того. Скорее бы сезон...

– А на Осьем Носу, – сказал горни за его спиной, – развести огонь всегда предлагают
гостю.

– Почему? – спросил Варан просто затем, чтобы не показаться дерзким.

– Ты не знаешь? – искренне удивился гость. И тут же спохватился, будто все про Варана
вспомнив: – А-а-а...

Куда уж нам, подумал Варан. Сырьем рыбу жрем, плевком умываемся, рукавом подти-
раемся. Провинциалы. Дикари.

– На Осьем Носу, – после паузы сказал горни, – много традиций с материка... А на мате-
рике до сих пор верят в того самого бродягу – Печника... Его еще называют Бродячая Искра.
Верят, что в доме, где он разведет огонь... знаешь, что бывает? Не знаешь... Подвинься.

Бесцеремонно отпихнув Варана, гость присел рядом на корточки, протянул руки к огню:

– Ух ты... Как же вы тут одежду сушите?

– У нас не промокает, – буркнул Варан.

Горни потрогал рукав его куртки:

– Ага... Как с крыламы вода, – и почему-то засмеялся.

– Это сытуха, я сам добыл, – сказал Варан, которому смех гостя показался обидным.

– Запасной нет?

– Что?

– Ну как там староста говорил: горячее питье... Сухая одежда...

– Староста говорил – пусть сам и дает! – выкрикнул Варан и тут же пожалел о своей
несдержанности. Добавил тоном ниже: – Нету запасной. Ничего нету. Сезон на носу. Все рас-
тратили. У меня две сестры малые. Поле маленькое. Есть рыба соленая да воды вскипятить
могу. Все.

– Давай воды, – жадно потребовал горни. – Давай рыбу. Хлеб есть?

– Репс...

– Давай репс. И еще... одеяла нет у вас? Просто сухого одеяла из пуха или из шерсти...

И, не дожидаясь, пока Варан дал согласие, принялся раздеваться. С наслаждением скинул
на пол куций плащик, снял мокрую куртку, сопя, стянул странного покроя рубаху, широкую,
на завязках... Варан думал, что на этом раздевание окончится, но горни, нимало не смущаясь,
снял штаны и развязал подштанники, и Варан, пряча глаза, поскорее протянул ему тканое
одеяло.

– Ты чего? – горни будто только сейчас заметил темно-красный румянец на лице
Варана. – Ой... Извини, если чем обидел, у всех, знаешь, свои нравы... Я думал, растаю в этой
мокрести, – он с отвращением поддел ногой комок дорогого костюма на полу. – Давай скорее
кипяточка, а то простужусь по-настоящему, князь, думаю, не обрадуется...

Мне, что ли, перед князем отвечать за твои сопли, подумал Варан тоскливо.

– Может, есть что-то подстелить на лавку? – поинтересовался гость.

– Что?

– Ну, подстелить... Шкуру там или другое одеяло. А то холодно, знаешь, так сидеть, да и плесени полно...

Да кто ж тебя звал, скрипнул Варан зубами. Оставался бы у старосты, у него сухо... Весь поселок за эту сухость платит, и мы с отцом тоже...

– Так интересно тебе? Про бродягу, который огонь разводит? Рассказывать?

– На то и дороги, чтобы бродить, – буркнул Варан. – А у нас, господин горни, дорог нет. У нас или по морю, или вверх... Нет у нас бродяг. Все свои.

– Суровый ты. – Гость уселся наконец, но не на лавку, а на свой сундучок. – Когда поднимать меня будем? Помнишь, что староста сказал?

Стукнула дверь. Лилька, младшая, выбежала сразу на середину комнаты – и замерла, уставившись на длинноволосого горни, по шею замотанного в одеяло.

– А...

– Где мать? – сурово спросил Варан.

– В поле, – пискнула Лилька. – Сетки ставит с тетками. Велела крепежек для якорей, и второй нож, и...

– Тоська где?

– Матери помогает...

– Батя где?

– Пружину вертит... Наполовину уже закрутил, сказал, чтобы ты все кидал и шел помогать, потому как...

– Иди скажи отцу, – проговорил Варан с тяжелым сердцем, – пусть идет домой. Скажи, гости у нас. Скажи, надо быстро.

* * *

Отец все понял сразу. Пробежал глазами по писульке старосты, покосился на радужное сияние, исходящее от раскрытой грамоты, изобразил корявый поклон человека, спину гнуть вообще-то непривычного:

– Будь по-вашему, горни. Поднимем вас, не обессудьте, обыкновенным грузовым винтом. Собирайтесь...

И сказал уже Варану, негромко, по-деловому:

– Ползагрузки. Рыбы для солдат заказывали – три мешка... Значит, шесть бурдюков минус три мешка рыбы и минус горни – будет четыре бурдюка... Пошевеливайся.

Варан обрадовался возможности наконец-то освободиться от приставучего горни. В нише стола отыскал очки – два прокопченных стекла в грубой металлической оправе. Плотнее затянул куртку и, не прощаясь, выскочил из дома.

Утренняя рыба плавала здесь же, в каменном бассейне, еще живая. Орудия сачком, Варан наполнил и взвесил три мешка; дождь припустил сильнее и смыл с него чешую прежде, чем груз был доставлен, мешок за мешком, к винтовой площадке.

Пружина винта, накрученная наполовину, казалась непривычно тощей. К крюкам на корзине уже привешены были два бурдюка; Варан загрузил рыбу и потом, едва управляясь с деревянной тележкой, перевез к винту от водосборника еще два тяжелых пузыря с водой. Он успел передохнуть и пожевать сладкой смолы, прежде чем над краем площадки показалась голова горни: чужак был бледен и задыхался. Как же, подумал Варан не без злорадства. Сто ступенек в скале – и мы уже падаем в обморок...

– Дышать... нечем, – простонал горни и уселся прямо на мокрый камень. Вслед за горни на площадку поднялся Варанов отец – тот был в два раза старше, нес на одном плече деревян-

ный сундучок, а на другом почтовый мешок для верхних, и ровное его дыхание не сбилось ни на йоту.

– Хорошо, – сказал отец, оглядев винт и оценив проделанную Вараном работу. – Грузитесь.

Варан влез в корзину первым и устроился у мешков с еще живой, трепещущей рыбой. Отец долго ходил вокруг, проверял крепления, связки, поглаживая пружину, бормоча молитву подъемников и время от времени сплевывая через плечо. Дал в руки Варану причальный канат с тройным крюком на конце:

– Кто сегодня дежурит?

– Лысик.

– Передавай привет от меня и проверь, чтобы он все точно записал: рыбу, воду, почту...

И... – Отец покосился на горни, замершего у края площадки, будто оцепеневшего при виде бесконечного серого горизонта: – И горни пусть возьмет из рук в руки... Все. Хвала Императору, лети, сынок.

Быстро потрепав Варана по плечу, отец отошел к спускателью. Совсем другим, бесцветным голосом позвал чужака:

– Горни, пожалуйста на взлет.

Варан не подал господинчику руки. Чихая и соскальзывая, тот с трудом влез в корзину, поискал свободного места, со страдальческим лицом пристроился опять же на сундучке. Вцепился в край корзины:

– Не перевернемся?

– С половинным наворотом идем, – не удержавшись, заметил Варан. – Можем и опрокинуться, если не повезет. Шуу не дремлет, – и подмигнул отцу.

– Типун тебе на язык, – сурово сказал тот, берясь за спускатель. – С Императором... Раз, два... три!

Спускатель взвизгнул, освобождая пружину.

Пружина тупо и свирепо, как глубинное животное, рванула на себя цепь.

Цепь пошла разматываться с катушки. Над головами Варана и горни распустился цветок – прекрасный цветок растущего пропеллера; его было видно всего несколько секунд, а потом он пропал, превратившись в серое, размазанное в движении колесо. Невидимая сила вдавила Варана в тугие мешки с играющей рыбой, и площадка ухнула вниз, крохотная фигурка отца мелькнула и пропала, в ушах взревел ветер, какого никогда не бывает под тучами в межсезонье...

Еще через секунду ничего не стало видно, даже сидящего рядом горни. Воздух сделался серым и мокрым, как медуза. Варан задержал дыхание.

– Это тучи? – крикнул горни, и Варан скорее догадался о его словах, чем расслышал их. Дорога сквозь облака была для него самой неприятной частью путешествия наверх; говорили, что облака изнутри напоминают царство Шуу, и Варан готов был с этим согласиться. Вязкое, липкое, непроницаемое...

Серая мгла распалась клочьями. Проглянула синева над головой; облака вдруг вспыхнули белым, и Варан, зажмурившись, полез в нагрудный карман за очками.

Горни опять что-то закричал, нечленораздельно, захлебываясь от радости. Винт, проткнув слой облаков, вырвался с другой стороны. Облака сверкали, белые, мягкие, празднично безопасные, сухие; над головой разливалась сплошная синька, посреди которой стояло страшное белое солнце. Варан старался не поворачивать голову в его направлении.

Звук пропеллера изменился. Винт терял скорость.

– Эй, где причал? – нервно спросил горни. «Как ты мне надоел», – подумал Варан.

Большие и малые пропеллеры винта один над другим изменили очертания. Корзина поднялась еще выше и почти замерла; чуть поодаль маячила белая каменная стена, от стены тяну-

лись, как лучи, тонкие досочки причалов, опутанные снастями, будто старческие руки жилами. Варан налег животом на рычаг, изменяя наклон главного пропеллера; корзина соскользнула ниже, подойдя к доскам почти вплотную, и тогда Варан размахнулся и забросил тройной крюк на причальную тумбу.

– Где они там, заснули?!

От скалы бежал человек в белой рубаше, орал и размахивал руками, вот-вот, казалось, готовый сорваться в пропасть. Пропеллер еще держал обороты, но корзина опустилась ниже, чем следует. Бранясь и поминая Шуу, половинную накрутку и проклятых причальных сонь, Варан пытался самостоятельно посадить винт на жесткую скобу – но корзина проседала, и ничего не получалось.

– Эй! Держитесь там! Ща, может, перевернемся! – весело крикнул он пассажиру; маленький человек с яично-лысой головой в последний момент успел добежать, закинуть скобу и закрепить корзину над празднично-белыми, подсвеченными солнцем облаками внизу.

– Сдурел? – набросился на него Варан. – Ты так дежуришь, да?

– А какого глиста ты сегодня поднялся? Вчера тебя не было, что ли? Вчера не ты Горюхе трындел, что послезавтра, мол, будешь, нет? А кроме тебя, мы не ждали никого...

– Дождались, – Варан поправил съехавшие очки, перевел дыхание и оглянулся на пассажира. – У нас... нет, у вас гости. Благородный горни с поручением от Императора. Прямоком к князю. Вот, – и махнул рукой в сторону бледного, какого-то очень тихого горни.

Причальная доска подрагивала, будто дышала под ногами. Внизу лежали облака – как море. Только настоящее море серое и гладкое, а тучи, если на них смотреть сверху, кажутся сказочным садом, белой тенью императорского дворца.

Причальная доска была крохотной соломинкой на краю большого порта. Над головой нависали широкие пристани; везде сустились люди, будто мальки в глубине, – подкрашивали, подтягивали, готовили к открытию сезона. Через две недели к причалам, пустовавшим всю зиму, придут корабли под цветными парусами. Верхние галереи примут всадников на крыламах, надутые огнем расписные шары, да мало ли какая диковина приплывет и прилетит с края света – порт примет всех, кто готов заплатить императорскими радужными деньгами...

Варанов пассажир неуклюже перелез через край корзины. Невольно присел, ощутив ненадежность причальной доски. Не оглядываясь, зашагал к скале, ко входу в портовую пещеру; шел, как истинный горни, не глядя под ноги, по ниточке над бездной. И не надевая, кстати, очков – с голым лицом шагал под солнцем, и четкая черная тень, чуть задержавшись на желтом дереве, соскальзывала в пропасть, к облакам.

– Что привез? – ворчливо спросил Лысик. – Давай считать сразу, а то знаем мы...

Варан проглотил оскорбительный намек. Первая, что ли, обида на сегодня? Скрестил руки, стоял и ждал, пока причальник закончит возиться:

– Бурдюки с водой – четыре. Полные, да? Смотри мне... Рыба, три мешка по мерке... Перевзвешу на своих весах, так и знай. Почта, это хорошо... Что за штука?

Лысик указывал на сундучок горни.

– Приезжего вещи.

– Богатенький, – Лысик почесал редкую неровную бороду. – Ну, бери и тащи.

– Отец передавал привет и велел проверить, как ты в книгу все запишешь.

– Запишу, не бойсь...

Варан не умел ходить, как ходят горни. Переступал по узенькому причалу, внутренне обмирая, покачиваясь под непривычным ветром – хоть бы перила они здесь навесили, что ли... Солнце жгло теплую куртку из сытухи, слепило глаза сквозь закопченные стекла очков. Хотелось домой, вниз.

Горни дожидался у входа. Под солнцем его плечи распрямились, волосы высохли, он стоял, выставив одну ногу вперед и подняв подбородок, будто князь на парадном портрете.

Дождлся, пока Лысик подошел поближе; качнулся вперед и без замаха, без единого слова ударил причальника в челюсть. Лысик охнул и сел на каменный пол в двух шагах от края пропасти.

– Ты на вахте? – спросил горни, снова приняв позу с парадного портрета, и даже сопли под опухшим носом не могли умалить его величия.

– Я... – промямлил Лысик, сразу смекнувший, кто здесь главный.

– Ответишь, – сухо пообещал горни. Повернулся и пошел в глубь скалы, как будто бывал здесь раньше, как будто точно знал, куда надо идти.

Лысик, постанывая, поднялся. Размазал кровь по подбородку; подошел к Варану, смерил его холодным липким взглядом и, ухнув, вмазал кулаком в лицо – Варан не успел увернуться. Вспыхнули искры, полетели с потолка, будто подсвеченные солнцем дождевики. Варан обнаружил, что сидит на полу, как перед тем Лысик, и пол качается, будто перегруженная лодка.

– Ответишь, – зловеще сказал причальник над самой его головой. – Один бурдюк я с тебя списываю, как возмещение... убытков. И чтобы я тебя больше не видел здесь, щенок!

И, подхватив сундучок, поспешил вслед за горни, на ходу выкрикивая:

– Господин мой, направо! Извольте откусать, переодеться, умыться, ведь поддонки – они поддонки и есть...

Варан поднял с пола свои очки. Вытер кровь с подбородка.

Ничего, подумал. Попадись ты мне в сезон.

* * *

Как всегда, не хватало дня. Или хотя бы часа. Ну уж полчаса-то всегда не хватает...

Сустились. Паковали вещи, прятали в сухие тайники. Снимали с петель двери, обмазывали жиром ненужные в сезон инструменты, зашивали в мешки, якорили в сараях. Запасали еду на ковчеге; в последний раз осматривали поля – везде ли хорошо лежит сетка, не смое ли донное течение первый урожай репса.

Дождь ослабел, а потом прекратился вовсе. Впервые за все межсезонье.

Дети визжали, бегали по поселку, обнимались:

– Солнышко, солнышко! Выгляни в оконышко!

Небо явственно посветлело. Море подернулось крупной рябью.

– Живее, живее!

Варан помог матери забраться в лодку, посадил мелюзгу одну за другой. Забрался сам, сел на весла рядом с отцом.

– Ну, с Императорской помощью, – отрывисто сказал тот. – Давай.

Берег отдалялся. Ковчег становился все ближе – кособокий поселок на воде, увешанный веревочными лестницами, с жидкими дымками, поднимавшимися из многих труб.

Лодку раскачивало. Малявок стало мутить.

– Мама, это Шуу под водой рыгает?

– Не повторяй глупостей... Это Император открыл плотину, и теперь вода поднимается.

– А почему мы так качаемся?

– Молчи...

Добрались до высокого борта ковчега. Выбрались, подняли лодку; кое-как разместились в крохотной комнатенке-каюте. За стенкой из натянутой кожи плакал соседский младенец.

Растянулись на жестких полках. Замерли, прислушиваясь, как бурлит снаружи вода.

– Ма-ам... – завела Лилька.

– Чего?

– А можно, я бусы себе куплю стеклянные?

– Можно...

– А я, – басом сказала Тоська, – ничего себе не куплю. Я денег накоплю и на большой черепахе покатаюсь. По минуте монета... По монете минута, вот так.

– Ты сперва денег накопи...

Ковчег качнуло. Еще и еще; Тоська села на лавке, закрывая рот руками:

– Ой, меня вытошнит сейчас...

– Так выйди.

– Боюсь, что смочет...

– Вараша, выйди с ней.

Варан поднялся, взял малявку за плечи, вытащил на узкий козырек над бурлящим морем; небо было совсем светлым, над морем висел туман, и полузатопленный поселок казался ненастоящим, призрачным. У самого берега из-под воды торчали крыши. В доме Варана вода дошла уже до уровня стола...

Какие-то опоздавшие разгильдяи, ругаясь, выгребали от берега к ковчегу, и лодку их мотало, как перышко.

– Смотри, Вараша! Там синее!

Грязный малявкин палец с обкусанным ногтем указывал на небо.

– Смотри, там уже дырка! И в дырке синее! Это небо, небо!

Новый приступ тошноты прервал ее восторги.

Варан, не отрываясь, смотрел вверх, но не на кусочек синевы, которую он, в отличие от Тоськи, видел много раз и в межсезонье. Высоко в разрывах облаков летели, описывая широкие круги, птицы – не дойные кричайки и не дикие сытухи, а настоящие высокие птицы, пластуны или даже крыламы...

На серое, страшное, волнистое море упал первый луч солнца. Упал и утонул в тумане; ковчег мотался по волнам, уродливый с виду, но абсолютно непотопляемый. Пахло жареной рыбой. Пахло ветром. Туман расступался, и, когда он расступился совсем – поселка уже не было и не было туч. Перед ошалевшими, жмурающимися глазами поддонками открылось море – синее, а не серое, небо – синее, а не серое, белая скала в пятнах первой зелени – мир горни, превратившийся в остров теперь уже среди воды, а не облаков, удивленно глядящийся в собственное неузнаваемое отражение.

Глава вторая

– Ты из местных, да? Поддонок?

– Да.

– А почему без очков?

– У меня глаза привыкают.

– Правда? Это хорошо...

Посетитель усмехнулся. Это был не единственный посетитель, Варан уже слышал, как за соседними столами требовательно постукивают кружками, чувствовал, как начинает злиться за стойкой замотанная мать... Но отойти никак не мог. Этот посетитель намекнул ему насчет работы, а работа – другая, не эта – была мечтой Варана вот уже целый месяц, от самого начала сезона.

Был обеденный час. Моряки, мастеровые, портнихи и прачки, торговцы, слуги – весь рабочий и праздный народ, обычно роящийся вокруг богатых путешественников, желал перекусить и выпить, стало быть, Варан должен был вертеться, как винт.

Как он вертелся вот уже целый месяц.

Все знают: кто не работает в сезон, тот в межсезонье мокнет и голодает. Но, когда мир вокруг меняется так разительно, человек, особенно молодой, не может оставаться прежним. Самый жадный скупердяй становится хоть немного, но расточительным, и самый жилистый труженик хоть немного, но лежебокой. Варана тошнило от тарелок и подносов, ему хотелось гулять по скалам, прыгать в синее море с белых камней, играть с рыбами, считать по ночам звезды...

Отец и мать открыли харчевню в одной из улочек около порта. Сложили печь, натянули навес, расставили столы и стулья, взятые в долг из чьего-то «верхнего» дома (горни, особенно небогатые, тоже хотели заработать в сезон: сдавали внаем дома и жилые пещеры, переселялись в так называемые летние резиденции, а на самом деле в шатры и палатки). Место оказалось удачным: столы в харчевне не пустовали почти никогда. С каждым днем цены потихоньку росли, и это никого не пугало: на Круглый Клык прибывали все новые и новые кошельки, готовые пролиться золотым дождем. Отец стоял у плиты, мать и Варан обслуживали, малявки торговали поделками из ракушек тут же, на крохотном базарчике. Кто поработал в сезон – в межсезонье сравнится с князем.

– Сколько, ты сказал, тебе лет?

– Семнадцать.

– Плаваешь?

– Как рыба.

– Зверей боишься?

– Нет... Каких зверей?

– Серпантер. Видел когда-нибудь?

– А, змейсов... Видел. В прошлом сезоне один парень давал покататься.

Мать у стойки делала страшные глаза и подавала тайные знаки. Посетитель вытащил из нагрудного кармана тонкий замшевый платок. Промокнул уголки рта:

– Варан, стало быть, сын Загора Одноглазого... кстати, почему он одноглазый, у него вроде оба глаза на месте?

– Прозвище.

– А-а... Жди, Варан, хорошей работы. Ответственной. Мне кто угодно не подходит, я о тебе поспрашиваю среди здешних поддонков, разузнаю... Ладно, беги. Потом договорим.

Пока Варан, осыпавший бранью, накормил заждавшихся, притащил пива новоприбывшим и убрал с опустевших столов, таинственного посетителя и след простыл. Отец подловил

Варана за кухонной перегородкой и молча отвесил затрещину, да такую, что искры из глаз посыпались.

* * *

В межсезонье наверху нет ничего, кроме раскаленных камней. Все хоронится в щели – и звери, и птицы, и люди. А хитрые растения, ктотусы и шиполисты, сидят в узеньких щелочках, где не спрячется и капля воды. Голый берег; а стоит начаться сезону – выстреливают, как из арбалета, мясистые зеленые побеги, раскрываются, подобно зонтикам, обрастают листвою, колючками, бело-розовыми цветами, одевают берег тенью, и ни горни, ни поддонки не могут узнать свой Круглый Клык. Бабочки размером с добрую сковородку кружатся над соцветьями, над водой, над пестрыми купальнями. Купальни лепятся к скале и одна к другой, не оставляя свободного места: вниз, под пенную кромку прибоя, ведут деревянные ступени, мраморные ступени, веревочные ступеньки, глиняные лесенки; кое-где насыпают на глину мелкие камушки, или неострые ракушки, или песок.

Что бы делал князь круглоклыкский, если бы не сезон? Если бы милостью природы суровый остров не превращался на три месяца в медовое царство тепла и света, неги и сытости? Хвала Императору и радужным деньгам его – море спокойно, над ним ходят крылатые патрули, и богатая знать со всего открытого мира является на Круглый Клык, чтобы изведать счастье и оставить здесь денежки...

Варан сидел на причальной доске. На той самой, хорошо знакомой, на которую много раз насаживал отцовский винт. Море покачивалось под босыми ногами, почти касаясь натруженных подошв. В море отражались звезды.

Сегодня вечером отец кричал на него. Отец боялся, что улыбчивый посетитель хочет забрать Варана в веселый дом, один из многих, что расцветали в сезон по всему Клыку.

– Ты знаешь, как он о тебе спрашивал? «Этот смазливый»! Посмей только мне от харчевни на шаг отойти...

– Он ничего такого не хочет! У него змейсы, эти... серпантеры!

– Для отвода глаз тебе не только змейсы – крыламы будут... Только посмей мне еще раз с ним поговорить. Шкуру спущу по колени... И молчи!

Варан понимал отца и потому почти не обижался. Веселый дом в поддонье – пугало; вон, у Торочек сманили дочку в прошлом сезоне – так и пропала девка. Говорят, осталась служить какому-то горни, а может, солдат в межсезонье развлекает...

Нет для Варана другой работы. Мелькнула рыбьим хвостом, и привет. Так всегда бывает – долгие месяцы ждешь сезона, а придет он – и хочется, чтобы поскорее закончился. Сил нет. В ушах крик, звон посуды, пьяные песни; глаза слипаются. Всю ночь гулял бы, купался, нырял... Но силы вышли. Завтра на рассвете вставать.

Порт не спал и ночью. Там что-то стучало, скрипело, вполголоса бранилось; на рейде стояли корабли, касались звезд голыми мачтами. Варан насчитал одиннадцать огромных судов, а ведь прячутся еще за мысом... И на каждом, кроме знати, – служек целый выводок, все при деньгах, все жадные до развлечений и щедрые на плату...

Вот парочка в соседней купальне. Приезжие – у парня руки голые, у девицы подол неприлично короткий, почти до колен. Целуются, не видят Варана. Наконец отлепившись друг от друга, бросают в море монетки – сперва она, потом он.

Варан ухмыльнулся в темноте. Осенью монетками засыпаны улицы и крыши; которые императорские – добавятся к доходам. Из прочих делают украшения, игрушки, грузила и блесны.

А сколько потерянных за сезон побрякушек находится потом в сточных канавах! Колечки, заколки и гребешки, кожаные купальные туфли, цепочки, тряпки...

И утопленники, правда, тоже попадают. За сезон не бывает так, чтобы никто не утонул – спьяну или по несчастной любви. И лежит до осени на чьем-то поле такой неудачник, ждет, пока засмолят в мешок и отправят на дно теперь уже окончательно...

Варан вздохнул и, как был в одежде, без всплеска соскользнул в воду.

Обняло до самой макушки. Тепло, будто купаешься в кричайкином молоке. Дна нет – внизу, на страшной глубине, отцовский дом и винтовая площадка. А если опустить лицо в воду и размахивать руками – разлетаются искры, плавающие звездочки, души забытых рыб...

Море дышало. Рядом, в порту, скрипело и постукивало; ни единого тревожного звука не разнеслось над водой – но Варан вздрогнул и поднял голову.

На берегу у купальни, где минуту назад целовалась парочка, происходила теперь беззвучная возня. Кому-то зажимали рот, кому-то накидывали на голову мешок; чем безумнее становился сезон, тем больше работы было императорскому патрулю. А с двумя голубками, кажется, все кончено – найдет их кто-то осенью на крыше поросшего водорослями дома... А может, и не найдет, если течение...

– Стража! Сюда! – истошно завизжал Варан. Его визг перекрыл звуки порта, пролетел над водой, разбился о скалы, может, не услышанный никем, а может, и услышанный. – Стража! Убивают! Грабят! Сюда!

Наверху, в зарослях ктотусов, заколотили железом о железо. В порту прекратился скрип и через секунду ударил колокол.

Возня на берегу стихла. Не разбираясь, кто победил и кто жив, Варан набрал побольше воздуха и нырнул так глубоко, что запищало в правом ухе.

Хорошо хоть, одежду не бросил на берегу. По одежде его мигом выследили бы.

* * *

Ничего никому не сказал – даже отцу. Ходил от стола к столу, как медуза в глубинных водах, путал креветки с творогом, а пиво с палочками для чистки зубов, когда в дверях появился улыбчивый господин, наводивший о Варане справки.

Из-за стойки тут же появился отец, покачивая кулаками, как стальными грузилами.

Улыбчивый господин охотно напоролся на его подозрительный взгляд:

– К вам, хозяин, к вам собственноручно... Поговорить надо. Есть минутка?

* * *

Свет шел снизу, из-под воды. Снаружи светило солнце, забивалось в широкую пещеру, как сладкое пиво в разинутый рот. Просачивалось сквозь подводную решетку: выход в море был глубоко перекрыт. Хозяин не хотел, чтобы старые змейсихи отправились на прогулку и ненароком угодили в чью-то жадную пасть.

А змейсихи были очень, очень стары. Правда, определить это мог не всякий – сказывался отличный корм и бережное обращение. Вылинявшие тусклые чешуйки прятались под серебряными пластинками, под накладными самоцветами, да и порода давала себя знать – у обеих змейсих сохранилась горделивая осанка, обе сверкали глазами и раздували ноздри, так что Варану пришлось преодолеть некоторую робость, прежде чем впервые приблизиться к ним.

– Здесь у нас стойло, – сказала Нила. – В нише – скребки, щетки, всякие нужности, все в идеальном порядке, между прочим. Взял скребок – клади на место... Вот так. Чистить надо перед каждым выездом и на ночь. Кормить – два раза в день, утром и вечером, и следи, чтобы они не переедали. Когда которая нагадит – бери сеточку, дерьмо поддевай и аккуратно вот сюда, в корзину, чтобы вода в стойле не мутилась. А потом корзину – вверх. Понял?

Нила была старше Варана на год и держалась хозяйкой. Когда-то он видел ее на осенней ярмарке – она была с Малышки, дочь рудокопа и одной из компаньенок княгини, незаконнорожденная, но самоуверенная и богатая. Мать, от стыда сославшая ее в поддонье, не забыла малявку и не бросила – баловала то деньгами, то мешком сушняка, то обновкой. Нила считала себя горни, в сезон носила рубаху без рукавов и штаны, подвернутые до колен, расшитые цветными камушками, которых на Малышке немерено-несчитано, и работала, как оказалось, наездницей на змейсах – сопровождала богатых и знатных гостей в верховой поездке по лабиринту подводных пещер.

Варан, договариваясь о работе с хозяином, наивно полагал, что будет гулять по морю верхом, а не вылавливать сачком дерьмо. Нила разочаровала его умело и безжалостно:

– Седлать – не вздумай, поцарапаешь чешую – потом не расплатишься. Садиться верхом – упаси тебя Император. Спать будешь здесь же, в гамаке. Они ночью иногда шипеть начинают, так надо с ними вслух говорить, успокаивать. Та, что позеленее, называется Журбина, а та, что почернее, – Кручина...

– А почему у них имена такие печальные? – спросил Варан.

– Потому что так называли, – отрезала Нила. – Вот, смотри, Кручина насрала, бери сачок и покажи, чего ты стоишь...

Темные волосы лежали у Нилы на плечах. Самоцветы на штанах вспыхивали, будто капли воды под солнцем. Глаза часто мигали и щурились, хотя здесь, в гроте, было не так много света; глаза слезились. Спесивой девке наверняка требовались очки с прокопченными стеклами – но она, гордая кровью горни, предпочитала мучиться, щуриться и утирать слезы.

Змейсихи смотрели на Варана с царственной брезгливостью – как будто это Варан нагадил в прозрачную воду, а им, благородным созданиям, теперь приходится убирать.

– Они не кусаются?

– Они едят только рыбу, но если ты их разозлишь – могут и цапнуть, просто для науки. Особенно Кручина – она подлая. К хвосту ее близко не подходи – как врежет, так и потонешь. Она в карауле служила всю жизнь, стражники на ней Малышку объезжали... Контрабандистов била, а пиратов перетопила человек сто. Вот так, хвостом по голове – и привет. Этому их еще в яйце учат.

Варан низко наклонился, держась за поручень, пытаясь выловить сачком комочек змейсового дерьма:

– У Малышки небось за сто лет сто пиратов не наберется.

– Это у вас на берегу пиратов не наберется, потому как не репс же ваш воровать. А у нас рудники. У нас режим должен быть.

Варан наконец-то справился. Опорожнил сачок в корзину для нечистот, плотно закрыл крышкой. Сел на каменный выступ, свесил ноги в светящуюся воду:

– А Журбина сколько пиратов убила? Тысячу?

– Журбина повозку таскала весь век, – сухо отозвалась Нила. – В шахтах. Камни на ней возили, соль... Теперь отдыхает.

Изумрудная Журбина высоко вытянула шею, повела рогатой головой, еле слышно зашипела, будто подтверждая: заслужила. Кручина ударила хвостом так, что волна прокатилась по всему гроту. Варан невольно отодвинулся:

– Ничего себе.

– Не нравится – и сидел бы в своей харчевне.

– А ты откуда знаешь, где я работал?

– Великая тайна... Я тебя видела. Место приметное.

– И парень приметный, – сказали сверху. По винтовой лесенке, вырубленной в скале, спустился хозяин в костюме для верховой езды. Кручина и Журбина оживились, забили хво-

стами, завертелись по гроту, устроив в центре его небольшую воронку. – Седлай, Нилка. Гости прибыли.

Варан, не выпуская из рук сачка, смотрел, как Нила торопливо надевает седло сперва на спину Кручине, потом Журбине (обе змейсихи охотно подставили спины). Потом, не глядя на Варана, Нила оттолкнулась от каменного выступа – и без разбега перелетела Кручине на спину; хозяин аккуратно угнезвился на спине у Журбины.

– Ну, Вараша, нас до вечера не будет. Все здесь убери, корзину вынеси – и можешь отдохнуть чуток. Тебе сегодня ночевать здесь, помни!

Варан поспешно кивнул.

– Пошла! – крикнула Нила, и голос ее заметался по гроту. Кручина ударила хвостом, Нила пригнулась, распластавшись по черной чешуе. В следующую секунду змейсиха нырнула, ушла в тоннель под скалой, унося с собой всадницу. Варан перевел дух.

– За ней, – негромко приказал хозяин, и Журбина нырнула тоже. Варан остался один; волновалась подсвеченная солнцем вода, сверху прозрачная, снизу застывшая, спрессованная в непроглядную донную темень.

* * *

– Серпантеры. Ну, знаешь, их в просторечии змейсами зовут. Два здоровенных чудища, один зеленый, другой почти черный. Рога – во. Зубы – во. Хвостом специально обучены бить по затылку. Очень опасная работа. За то и платят.

Варан сидел за столиком отцовской харчевни, а Кешка, четырнадцатилетний парень, нанятый родителями на место Варана, стоял напротив с подносом и смотрел с восторженной завистью.

– Знать всякая приходит на них поглазеть, кто поотчаяннее – так и покататься. В камне, знаешь, ходов – до Шуу. И под водой, и над водой, а есть совсем сухие...

– А как же змейсы в сухих ходят? – спросил Кешка.

– Змейсы вообще не ходят, – сурово заметил Варан. – Они плавают... Некогда мне, – он позвенел монетками в кожаном кошельке. – У меня ночная вахта сегодня.

До ночной вахты оставалось еще несколько часов, но Варану надоело врать. Он попрощался с матерью, потрепал по загривкам малявок и быстрым шагом занятого человека двинулся к берегу – купаться.

– Эй, парень!

Варан продолжал идти. Мало ли парней ходит по улицам в сезон; остановился, когда дорогу заступили двое. Один – ровесник, низкорослый и смуглый, но по виду явно не горни. Другой – взрослый, и при одном взгляде на него Варану сделалось страшно.

– Чего не оглядываешься, когда зовут? – начал молодой.

– Откуда мне знать, что меня? – огрызнулся Варан.

– Пошли. Дело есть.

– Я спешу.

– На дно успеешь, – краешком рта заметил взрослый. – Идем... торопыга.

У него были выгоревшие светлые брови и равнодушный, как удавка, взгляд убийцы.

Харчевня отца осталась далеко позади. Приметное место... И парень приметный... На улице полно народу, а ведь не убежишь. Патруля поблизости нет, а и был бы – ничего не успеешь объяснить. Не такое сокровище парень-поддонок, чтобы по его милости гостей тревожить...

– Что вам надо?

– Там расскажем, – сказал светлобровый уже с раздражением. – Ну что, пойдешь добром – или сразу в мешок тебя?

Далеко, на материке, о котором рассказывали Варану плотогоны, человек может убежать и затеряться. А с Круглого Клыка бежать некуда.

Варана привели в бухту, уставленную купальнями, как праздничный стол – стаканами. В купальнях – простых, и вертящихся, и с фонтанами – резвились, ни на что не обращая внимания, холеные заморские гости. Плавали почти нагишом, бесстрашно подставляли шкуру солнцу, ныряли с вышек и катились по деревянным желобам на скользких ковриках. Ели и пили тут же, в плавучих харчевнях; Варану стало страшно жаль себя. Люди живут и любят жизнь, а он, Варан, может быть, видит небо в последний раз. За что?!

– Садись в лодку, – сказал разбойник по-прежнему уголком рта. В том, что это именно разбойник, сомневаться не приходилось.

В лодке уже сидел еще один, плечистый, совершенно лысый. И рядом с ним, скорчившись и обхватив живот, – Варанов знакомый, молодой рыбак Гелька, в сезон обносивший купальни жареными улитками.

Смуглый подросток оттолкнул лодку от причала. Остался на берегу. Быстро зашагал прочь.

– Вы, оба, – лысый разбойник кивнул Варану и Гельке. – Беритесь за весла, и чтобы не отлынивать!

Гребли молча. Лысый правил рулем, светлобровый сидел на носу. Варан, обернутый лицом к корме, смотрел, как отдаляется берег, как лысый скручивает себе трубочку дорожного заморского табаку, как с удовольствием затягивается... Миновали чей-то ковчег, уродливый и кособокий рядом с настоящими морскими кораблями. Миновали команду рыболовов, тянущих одну сеть тремя большими педальными лодками. Никто не смотрел на устремившуюся в море лодку – двое мужчин и двое парней идут, вероятно, на вечерний промысел...

Тот, что сидел на носу, взялся насвистывать.

– Заткнись, – сказал лысый. – Примета плохая.

– Иди к Шуу со своими приметами.

– Сам иди. Я предупреждал...

И снова молчание.

Когда берег, корабли и ковчег, рыбаки и купальни остались далеко позади, лысый велел сушить весла. Варан и Гелька – у того от страха нестерпимо болел живот – оказались сидящими рядом, лицом к лысому, с белобровым за спиной. Варан все норовил обернуться.

– Не верти головой... – бросил лысый. – Кто из вас, подлецов, по ночам купаться любит? Варан и Гелька молчали.

– У меня по ночам работа, – тихо сказал наконец Варан. – Змейсов сторожу.

– А ты?

Гелька стучал зубами.

– Ладно, – сказал лысый. – Ты, – он ткнул пальцем в Гельку. – Давай ори что есть силы: «Стража! Убивают! Грабят! Сюда!»

Варан огляделся. Докричаться хоть до кого-нибудь, а тем более до стражи здесь не было ни малейшего шанса.

– Не верти головой! – снова приказал лысый. – Повернешься еще – ухо отрежу!

– З-зачем орать? – дернувшись, спросил Гелька.

Лысый вытащил из-за голенища длинный нож.

– Ори, а то рыбам скормлю по кусочку.

– А-а! – завопил Гелька очень натурально. – У...убивают! Стража! Грабят! Сюда! Насилуют!

Белобровый на носу отрывисто рассмеялся:

– Насилуют, говоришь? Мечтатель...

– Он? – с сомнением спросил лысый.

– Не я! – взмолился Гелька.

– Теперь ты ори, – лысый указал ножом Варану в грудь. – Только громко. Как можешь.

– Стра-ажа! – протяжным басом взревел Варан. – Убива-ают! Гра-а-абыт!

Взгляд светлобрового неприятно касался спины.

– Не он, – пробормотал лысый скорее себе, чем подельщику. – Хрень это все.

– А по-моему, он придушивается.

– Который?

– Этот, смазливый. По-моему, он чужим голосом орет. Подрежь его, тогда своим зачирикает.

– Парень, – ласково сказал лысый. – Свой голос покажешь или тебе кой-чего повывергать придется?

– Стра-ажа! – закричал Варан что есть силы. – Гра-абыт!

И разом охрип.

– Не он, – с сожалением сказал лысый. – Прогадил ты дело.

– Ты прогадил, а не я.

– Заткнись... У меня предчувствие дрянное.

– Иди ты к Шуу со своими предчувствиями.

– Не тот, и не этот, и не вчерашний, стало быть – кто-то еще...

Солнце склонялось. Лодка покачивалась среди чистого моря. Круглый Клык казался далеким, и безнадежным, и нереальным, как след на воде. Варан уже много раз прыгнул вперед и откатился назад, обезоружил лысого и сбил за борт светлобрового, и выхватил весло, и разбил лысому череп, и нырнул глубоко в море, ушел от лодки вплавь – много чего сделал полезного и нужного в мыслях и планах, прекрасно понимая, что доживает последние секунды, что лучше умереть, сражаясь, и что у Нилы очень красивые, хотя и слезящиеся, глаза.

– Стража... – захрипел Гелька.

– Заткнись, – процедил лысый.

Гелька показывал пальцем в небо:

– Стража... Патруль...

Лысый рывком обернулся.

Над морем шел, снижаясь треугольником, воздушный императорский патруль на белых, как камень, крылах.

* * *

Нила спала в гамаке. Свисали, выбившись из ячеек, спутанные темные волосы. Над водой горела плешка с жиром, тускло освещала огромные тела спящих змейсих. Поблескивали самоцветы на старческой чешуе.

Варан уселся прямо на камень. Обхватил себя за плечи, пытаясь унять дрожь. Бесшумно просидел полчаса, прежде чем Нила, без видимой причины, проснулась:

– Кто здесь?!

Забурлила вода. Настороженно вскинулись рогатые чешуйчатые головы.

– Это я, – сказал Варан без голоса.

Нила долго молчала. Змейсихи, успокоившись, снова ушли под воду.

– Я сказала хозяйину, что за тебя подежурю, – Нила закусил губу.

– Спасибо.

– Я их почистила, покормила... Убрала...

– Извини.

– Где ты был?! – шепотом выкрикнула Нила.

Варан скрестил ноги, оперся локтями о колени и начал рассказывать.

– Значит, их казнили, – сказала Нила, когда он закончил.

– Их просто увели в тюрьму.

– Их казнят до рассвета. Закон сезона: подозрения в разбое достаточно. Если просто возьмут в подозрительном месте за подозрительным делом – вздернут без суда.

– Но меня тоже взяли...

– Ты поддонок, это другое дело. За тебя отец ручился, соседи тебя знают. Ты весь на виду... как и этот твой, Гелька. А эти двое – чужие?

– Да.

– До рассвета повиснут.

Сделалось тихо. Потрескивал жир в плошке.

– А почему ты сразу не пошел к начальнику стражи? Не сказал, что видел?

– Не видел ничего... Кто-то на кого-то напал. Вот и все.

– Надо было пойти хотя бы с этим.

– Надо было, надо было!.. – Варан ударил кулаками по коленям. – Тебе какое дело вообще-то?

– А вдруг у них сообщники остались, – не обращая внимания на его обидный тон, сказала Нила. – Ты говорил, еще был парень. Он-то куда делся?

– Не знаю.

Снова сделалось тихо.

– Никуда не ходи, – по-деловому серьезно велела Нила. – Сиди здесь. Кручинка хоть и подлая, но своих в обиду не дает. Сиди здесь, а я узнаю, – она неловко выбралась из гамака. На ней были все та же рубаха и все те же штаны с самоцветами, Варан мельком подумал, как неудобно в них спать.

– Куда ты пойдешь?

– Не сирота, слава Императору, – Нила жестко усмехнулась. – К кому надо, к тому и пойду... А ты носа наружу не кажи!

И, небрежно прибравав волосы, зашлепала вверх по винтовой лестнице.

* * *

Варан уснул на рассвете, и снились ему крыламы. Во сне он тыкался лицом в жесткие белые перья, а проснувшись, обнаружил, что на щеке отпечаталась сетка гамака и что Журбина с Кручиной нетерпеливо кружат по гроту – желают завтракать.

Он накормил змейсих и впервые почистил, весь при этом вымокнув и изгваздавшись. Потом взялся за сачок для отлавливания испражнений; как назло, именно за этим грязным делом его застала вернувшаяся Нила.

На ней была юбка до пят и блуза с короткими, по моде горни, рукавами. Гладкая высокая прическа делала наездницу на змейсах старше, величественнее и строже. Варан даже растерялся – говорить ей по-прежнему «ты»? Или все-таки «вы»?

– Значит, так, – сказала Нила, усаживаясь на край каменного выступа. – Эти, которых грабили, остались живы – это ты их, между прочим, спас – и подали князю жалобу. Начальник стражи усилил караулы и навесил воздушные патрули. После того как патруль снял с лодки двух подозрительных при оружии, прочесали весь остров и схватили пятьдесят шесть человек. Пятнадцать сегодня выпустят. Остальных уже повесили.

– Что?!

– Закон сезона, – Нила провела по лицу рукой, будто убирая паутину. – Если князь не остановит разбой – в межсезонье все останутся голодными, и поддонки, и горни тоже. Есть два особо тяжких преступления: разбой и подделка императорских денег. Потом идет мошенничество, но это уже не так страшно, за него хотя бы судят... Что ты так побледнел? Хорошая

новость: того парня, чернявого, который на тебя навел, взяли и казнили вместе с остальными. Тебе ничего не грозит, можешь оставаться, можешь уходить...

Она отвернулась. Варан вдруг увидел, что она готова заплакать. Держится из последних сил. Смертельно устала. И почему-то обижена.

– Нила, – он подошел ближе. – Спасибо...

– Ты можешь уходить. Никто тебя не удерживает.

– Почему ты меня прогоняешь? Или... я что, уволен после вчерашнего?

– Нет, ты не уволен.

– Так почему?

Она разрыдалась. Он стоял рядом, желая ее обнять – и не решаясь. Он был грязный и мокрый насквозь. А она была – чистая и строгая, несмотря на слезы и на сопли.

Настоящая горни.

* * *

Пещера то тянулась тоннелем, то раздавалась вширь, то раздваивалась, а то распускала в стороны десятки щупалец, узких, иногда непроходимых. Некоторые гроты были светлыми – туда пробивались сквозь воду солнечные лучи. Другие – полутемными, а в двух или трех царил такой мрак, что приходилось целиком полагаться на змейсих.

– Они видят в темноте?

– Они знают дорогу...

Варан ехал на Журбине. Она была покорна, как деревяшка, – по команде «вперед» спешила вперед. По команде «стой» немедленно останавливалась. По команде «ныряй» погружалась без раздумий.

– Это потому, что она работала в шахтах. Там ведь еще хитрее коридоры, там в щели просачиваться надо. А Кручина – та в открытом море гуляла, ей пещеры не нравятся. Ну и характер, конечно, паскудный.

– А ты бывала в шахтах?

– Здрасьте! Я там, можно сказать, выросла... Знаешь, там есть такие воздушные карманы, где человек может жить даже в сезон. Темно, холодно, но воздуха хватает, и пищи тоже, и воды, если ее со сталактитов слизывать. Один человек был, так он железные заготовки воровал и потом купцам продавал, тайно. Его поймали и хотели судить, а он убежал и спрятался в шахтах. Там такие лабиринты – можно беглеца сто лет искать, а не найдешь... Ну, думали, придет сезон, он сам вылезет. А он не вылез – боялся. А может, заблудился. Уже на другое межсезонье вышел – живой, только какой-то свихнутый. И судить его не стали – сам себя наказал... Представляешь, над тобой камень и вода, целые громады воды... А ты сидишь в темноте и даже огонь не разводишь, чтобы он твой воздух не жрал. Наверху сезон, а ты как у Шуу в кишках... Он, кстати, все Шуу поминал с тех пор. Может, видел ее. А может, просто сбрендил. Как ты думаешь?

– Я думаю, что Шуу живому видеть нельзя.

– Я тоже так думаю... Но ты не думай, что в шахтах плохо. В шахтах на самом деле весело. Все звенит, колеса вертятся, воду откачивают, змейсихи рабочие ходят туда-сюда... Там светло от огней. Стены сверкают, как во дворце, и не понять – капли или самоцветы. Там хорошо песни петь. Все поют. Там крохотная девчонка песню запищит – а кажется, будто хор на разные голоса, и эхо подпевает. Приплывай к нам в межсезонье.

– Да у меня своя ведь работа есть.

– А ты осенью приплывай, когда торги. Осенью почти никто не работает, только продают и покупают... Смотри, сейчас будет глубокий тоннель, а за ним – грот-палата. Там гостей обычно ракушками угощают. Круча, вперед!

Кручина ввинтилась в воду, ушла почти вертикально вниз. Варан мог видеть, как она несется под водой, обернутая, будто белым пламенем, миллионами крохотных пузырьков. Он едва успел схватить воздуха, как Журбина нырнула следом.

Мазнула по лицу медуза, шарахнулась прочь огромная полосатая рыбина. Вода потемнела; змейсиха долго протискивалась сквозь плотную темноту, так что у Варана неприятно закололо в груди. Наконец впереди мелькнул свет, радужной пленочкой заколыхалась поверхность, и Журбина, царственно выгнув шею, прорвала ее. Обрушила со шкуры потоки и водопады, покосилась на Варана со снисходительным презрением: мол, как тебе, сухопутный червячок?

Варан огляделся.

Грот был самый большой из виденных прежде – и, конечно, самый красивый. Солнце пробивалось в него не только из-под воды, но и сверху, из щелей в куполе. Сталактиты тянулись к своим отражениям, образуя колоннаду; известковые потеки казались парадной драпировкой.

Нила уже взбиралась по ступенькам куда-то наверх; Кручина, привыкшая отдыхать в «палате», вытянула шею по воде и сонно вздохнула.

– Иди сюда! – позвала Нила. Варан плюхнулся с седла в воду, выбрался на плоский камень, отряхнулся, как сытуха на берегу. Полетели брызги.

– Сюда! – голос Нилы долетал откуда-то сверху. – Поднимайся!

На сухой квадратной площадке в беспорядке валялись кожаные подушки, имелась жаровня с остатками углей и гора перламутровых осколков. Кувшин из-под вина треснул и лежал теперь в скудной красной лужице. Нила вытащила откуда-то метлу и совок.

– Хозяину скажешь, грот убирали. Тут они такого, бывает, натворят – змейсихи морду воротят...

Варан протянул руку за метлой. Нила отдала не сразу. Был момент, когда они стояли лицом к лицу, в четыре руки держась за гладкое древко. Нила молчала, ничего не объясняя. Глаза ее, вечно прищуренные, в полумраке наконец-то открылись, и каждый зрачок казался входом в шахту.

– Это гостевой путь, – сказала Нила глухо, будто удерживая слезы. – Мы по нему посетителей возим. Он вдоль берега идет, по краю, поэтому свет. А если свернуть вглубь – там такие переходы... такие лабиринты... и там всегда темно.

– А ты любишь, когда темно? – спросил Варан, чувствуя, как нагревается в ладонях злочастливая метла.

Нила резко кивнула:

– Солнце режет. Не люблю.

А очки, хотел спросить Варан, но вовремя прикусил язык. Привычные к яркому свету горни не носят очков. А заморские гости – те вообще считают, что закопченные стекла поддонков прячут ложь в глазах, и алчность, и еще Шуу знает что. Вот почему хозяину так понравилось, что глаза Варана привычны к свету...

Нила ждала чего-то. Не сводила требовательного взгляда.

– Поедем вглубь? – осторожно предположил Варан.

Она кивнула снова.

– А хозяин?

– Хозяин велел в гроте прибрать и девочек выгулять. До вечера не хватит, – она наконец-то выпустила метлу.

Варан, отвернувшись, быстро-быстро зазвенел расколотыми ракушками, загремел черепками. Нила собрала подушки и вычистила жаровню. Молча, не глядя друг на друга, они сложили мусор в мешок, привязали тяжелый камень, подтащили к выступу над водой, столкнули; разошлись по воде волны, поднялось несколько пузырей. Кому-то из наших будет по осени подарочек, подумал Варан. Впрочем, осенью и мусор хорош: плотины укреплять или еще что...

Нила тихонько свистнула. Змейсихи подняли рогатые головы. Их выпуклые глаза бледно светились зеленым.

Не утруждая себя спуском по лесенке, Нила прыгнула в воду с края скалы. Красиво, без всплеска, ввинтилась в воду, вынырнула прямо перед Кручиной, ухватила за повод:

– Хватит дрыхнуть, старуха! Поехали!

Варан зажмурил глаза и тоже прыгнул. Вода показалась плотной, как шкура на барабане; Варан вынырнул, оглушенный. Журбина покосилась с презрением.

* * *

– Подожди, я сейчас огонек запалю.

Варан слышал торопливый стук кремня.

Ничего не было видно. Закрыты глаза или открыты – не имело значения. Тьма. Самоцветы на чешуе змейсих, изумрудные выпуклые зенки, белое лицо Нилы – в темноте все умерло. Вместо самоцветов могли быть просто камни, змейсихи могли быть слепы, а Нила могла быть уродливой ведьмой...

Варану стало страшно. Он впервые пожалел, что пошел за ней в недра горы, в лабиринт переходов. Кто она такая? Кто она ему?

Родился огонек. Из ниоткуда появились Нилено лицо и ладонь с длинной тоненькой свечкой, поверхность воды, тени рогатых голов на длинных шеях.

– Испугался?

– Еще чего.

– Я тут была раньше... Тут сухих камней нет. Направо открытый тоннель, там иногда хозяин особо храбрых гостей водит, с факелами... А прямо – очень глубокий карман. Я три раза пронырнуть пыталась, чуть не утонула... Не вышло.

– А там? – Варан махнул рукой налево.

– Там другой коридор, тоннель, потом два грота один за другим, потом развилка. Если налево повернуть, то скоро выйдешь в такую пещеру... Я там разные вещи находила. Шелковый платок плавал... Старый, весь почти в дырах, но с рисунком. Потом куски пробки... Потом из дерева такая фигура, с двумя головами. Принесла хозяину, говорю, может, продать... А он говорит: сожги. Я сожгла другую деревяшку, а фигуру спрятала – больно красивая. Потом тебе покажу.

– Это с двумя-то головами красивая?

– Ну да... Знаешь, в этих пещерах клады есть. Точно есть. Водой их постепенно вымывает... А есть просто тайники. Горни в межсезонье так их устраивают, чтобы в сезон, когда вода поднимется – не достать. Говорят, тут где-то княжеская казна...

– А то князю больше негде казну хранить.

– Не знаю... Мошенники, которые в сезон промышляют, так просто деньги с Клыка не вывезут – стража проверяет. Вот они и прячут. А потом, в межсезонье, когда стража разлетается – они приходят и вынимают.

– А ты искала?

– Ну конечно. Нашла фигуру двухголовую и еще один башмак на правую ногу с золотой набойкой. Он в щели застрял и потому не утонул. Из этой набойки мне дома колечко выковали...

Все еще держа свечку на ладони, она тронула ногой Кручину. Змейсиха, едва различимая в темноте, двинулась вдоль пещеры – две расступившиеся волны были как пробор в черных волосах. Журбина без команды потянулась следом.

Нила придержала змейсиху рядом с глубокой, поросшей водорослями щелью. Варан вздрогнул, но то, что показалось ему живым уродливым телом, было всего лишь огромной

цепью, свисающей сверху. Цепь позеленела, покрылась ракушками; каждое звено было размером с блюдо.

Нила обернулась:

– Здесь чердак.

– Что?

– Так называется – чердак. Верхняя пещера. Сухая. Хочешь посмотреть?

– А кто цепку повесил?

– Может, моряки. А может, бандиты. А может, стража... Она давно тут висит.

– Проржавела?

– Сто лет провисит – не проржавеет... Боишься, что ли?

Не дожидаясь ответа, Нила зажала горящую свечку в зубах. Соскользнула с седла и ухватилась за нижнее звено. Подтянулась. Цепь закачалась, скрежетнула, под сводами пещеры разползло шелестящее эхо. Запрыгали тени – как будто не девушка взбиралась наверх, а многогорукое чудовище.

Змейсихи не встревожились. Кручина вытянула шею и прикрыла глаза; не опасно, подумал Варан. Вовсе не страшно.

Сверху падали капли. Снова сделалось темно – Нила скрылась за нависающим брюхом скалы, и только тусклые отблески свидетельствовали, что свеча в ее зубах еще горит. Дождавшись, пока цепь перестанет дергаться, Варан ухватился за нижнее звено; цепь была холодная и склизкая. Острая ракушка тут же поцарапала мизинец.

– Давай сюда! – Варан увидел огонек прямо над головой. – Здесь сухо!

Тонкая рука ухватила его за плечо, помогая выбраться. Варан утвердился на камне, сел на пятки, вытер руки о мокрые штаны. Огляделся.

Сухой карман, потолок низкий, так что в полный рост подняться нельзя. Камни неожиданно гладкие, явно кем-то когда-то отесанные. Станный запах – не сырости, не водорослей, а будто древесной смолы. Приятный.

На потолке, тоже гладком, рисунки копотью. Не понятно, то ли ребенок баловался, то ли тайные знаки.

– Эй, может, это карта? Где клады спрятаны?

– Я искала, – Нила улыбалась, почему-то довольная. – Ничего не выходит... Если и карта, то не про нас.

– А что здесь было-то?

– Убежище. Склад контрабандистов. Нора какого-нибудь секретного мага... Не знаю. Все это было давно. С тех пор, как я это место три года назад нашла, сюда никто, кроме меня, не приходит.

В углу горой лежали сухие водоросли. По-настоящему сухие; такими набивают матрасы, и как сладко спать на них в межсезонье, слушая, как бормочет за окном дождь...

В другом углу, в каменной нише, нашлась книга со слипшимися страницами. Настоящая бумажная книга, вернее, бывшая бумажная, потому что желто-серое квелое месиво, в которое превратились страницы, не принял бы за бумагу ни один старьевщик.

– Может быть, тут были заклинания, – мечтательно сказала Нила. – Мы бы прочитали их – и сами стали магами. А может, это просто приходно-расходная книга какого-нибудь купца.

– Или дневник капитана далекого плавания.

– Или список кулинарных рецептов.

– Ну тебя, – Варан неуверенно рассмеялся. – Кстати, если бы мы прочитали заклинания, то магами не стали бы. Скорее всего, у нас просто раздвоились бы языки, или выскочил слепой глаз на затылке, или что-то еще. Магами рождаются.

– Я знаю.

Нила поставила свечку на жесткий морщинистый переплет. Варан увидел, что тоненький стержень догорел уже до половины.

– Эй... нам света хватит?

– У меня еще есть... И потом... Зачем нам свет?

Варан поднял глаза. Нила смотрела на него без улыбки.

* * *

Змейсихи нашлись по звуку – Кручина тихо зашипела в ответ на Нилин зов. Журбина фыркнула. В полной темноте, на ощупь, Варан вскарабкался в седло.

Его трясло. Журбина, не любившая нервных, сделала вялую попытку сбросить всадника.

Кручина плыла впереди. Шелест воды отражался от стен, от сводчатого потолка, мир вокруг казался объемным, как теплое облако. Змейсихи помнили дорогу обратно; когда Кручина нырнула, Варан услышал приглушенный всплеск и успел набрать воздуха.

Журбина несла его сквозь темноту, сквозь плотную массу воды. Что теперь будет, думал Варан, зажмурив глаза. Как я смогу дальше жить... без Нилы – никак. Надо жениться на ней, вот что надо сделать. Он, Варан, еще молод, но жениться все равно можно. Отец поймет.

Журбина вынырнула. Варан стряхнул воду с волос и открыл глаза.

Темнота сменилась полутьмой. Сквозь воду пробивался далекий свет. Нила сидела на спине Кручины. Смотрела на Варана через плечо; он впервые увидел ее. Впервые в жизни.

– Выйдешь за меня замуж? – крикнул поспешно, будто боясь, что она удерет.

Нила молчала. Мокрые волосы прилипли к голове и казались блестящим шлемом.

– Это я сказала хозяину, чтобы он тебя нанял, – призналась, глядя в глаза.

– Выйдешь за меня?

– Если хозяин узнает, что было, он тебя уволит...

– Выйдешь?

Нила зажмурилась. И так, не открывая глаз, кивнула.

* * *

А сезон был в самом разгаре.

Каждый день из-за моря прибывали корабли. Прилетали всадники, и воздушные повозки, и надутые огнем расписные шары. Огромные, величественные, белоснежные крыламы расхаживали по причалам, как в межсезонье – обыкновенные кричайки. Все дворцы и лачуги были заняты приезжими и их слугами. Цены росли с каждым днем. У грузовых пристаней ежедневно швартовались купцы – в основном поставщики продуктов для гостей и корма для их животных.

На главной площади через день кого-нибудь казнили. Чаше всего – за разбой или подозрение в разбое; тем не менее, новые охотники за кошельками прибывали на Круглый Клык каждый день – в толпах челяди. Поэтому грабителей на темных улицах не становилось ни больше, ни меньше.

Иногда казнили за распространение фальшивых денег. Отцу Варана однажды всучили поддельную бумажку с нарисованной радугой; отец тут же вызвал стражу, но мошенника так и не поймали.

– Чтоб его Шуу отрыгнула! – кипятился отец. – А если бы я не заметил и купил на нее что-нибудь? Меня бы повязали, так, что ли?

– Полреала, – успокаивала его мать. – Обидно, ну да не конец же сезона!

Варан видел родителей редко. И всякий раз не находил времени, чтобы поговорить с отцом. Как тут подступиться? «Здравствуй, папа, я женюсь»?

Они с Нилой никогда не говорили о любви, о свадьбе, о будущей жизни. Они говорили о змейсах, рудниках, магах, звездах, видимых только в сезон, о потайных письменах, об Императоре, подводных пещерах и драгоценных камнях.

В те редкие дни, когда охотники до верховых прогулок не шли сплошным потоком, Варан с Нилой выбирались на базар. Нилу, как настоящую горни, вечно тянуло в ювелирные лавки. Хозяева ее, как правило, знали, позволяли войти, рассмотреть товар, иногда и примерить; Варан поначалу стеснялся, стоял на пороге, не решаясь приблизиться к разложенным на бархате драгоценностям. Потом осмелел.

А посмотреть было на что. На высоких столах разложены были граненые, оправленные в золото и серебро камни – но не цветные камушки, которых полным-полно на Малышке и которыми украшены были Нилины штаны. Нет – эти были настоящие, почти живые, из тех, что попадают к рудокопу один раз за всю жизнь.

Такие камни хранят владельца, лечат его от головной боли, придают силу и продлевают жизнь. Каждый такой камень имеет свое имя. Говорят, что они способны совокупляться и производить себе подобных, но в это уж ни Варан, ни Нила не верили. Зато легко можно было убедиться, что внутри каждого камня живет свой собственный огонек – белый, голубой или желтый. Варан и Нила часами могли стоять у раскладки, глядя, как колышутся, сжимаются и расширяются бьющиеся сердца камней.

При них покупали украшения стоимостью в пятьдесят, сто, тысячу реалов; Варан видел, какими глазами смотрела Нила на молодых и старых аристократок, становившихся обладательницами сокровищ.

– Ты все равно красивее, – говорил он убежденно.

– Разумеется, – отвечала она без тени смущения. – И потом, где бы мне это носить? В рудниках?

Они уходили, и Варан решал про себя, что больше в ювелирные ряды – ни ногой; тем не менее проходило несколько дней, они с Нилой шли на базар, и от рядов с шелками, фруктами, безделушками на память, железными и деревянными вещами снова прибивались к ювелирам – почти против собственной воли.

У Нилы была любимая игрушка – ожерелье с белыми и голубыми камнями. Варан знал, что всякая прогулка на базар непременно закончится возле этого ожерелья; хозяин лавки, из местных, знал Нилину мать и позволял девушке брать украшение на ладонь. Нила стояла, замороженно глядя на мерцание камушков; бледный свет их отражался на ее сосредоточенном лице.

Ожерелье стоило сравнительно недорого – сто реалов. Для Варана это был заработок за весь сезон – и то если не покупать сладостей и обходиться только самым нужным. В душе он, Варан, давно согласился отдать все свои деньги за ожерелье – но что скажет отец? Неподходящее начало для разговора о женитьбе; отец, чего доброго, разозлится и откажет, даже не выслушав. Напротив, если Варан принесет в семью честно заработанные деньги, отец поверит, что он уже взрослый, самостоятельный мужчина и вполне может привести в дом жену...

Проклятое ожерелье снилось Варану по ночам. Ему снилось, как он приносит его Ниле. И какие у нее, у Нилы, делаются глаза.

В счастливые дни, когда они, ускользнув от всех, забирались на «чердак» и обнимали друг друга на куче сухих водорослей, Варан, забываясь от счастья, клялся добыть ожерелье. В крайнем случае украсть; Нила зажимала ему рот ладонью:

– Дурачок... Только попробуй мне!

Он замолкал, но от затеи своей не отказывался.

Обязанности Варана со временем значительно расширились. Теперь он не только ухаживал за змейсиками и вылавливал сачком свежее дерьмо, но и прохаживался по базару с таб-

личкой «Прогулка на серпантерах, недорого», провожал посетителей ко входу в подземные пещеры и, что самое волнующее, иногда сопровождал их в поездке.

Если поездка намечалась совсем легкая, без нырков и погружений, то двух посетителей сажали на двух змейсих, и Варан предводительствовал им неспешно, помахивая веслом в легкой лодочке и отдавая команды змейсихам:

– Журбина, пошла! Круча, придержи... Стоять, обе!

Он скоро выучил наизусть все слова, которые нравились посетителям, и вдохновенно рассказывал об истории каждого грота, о кладах, которых здесь запрятано полным-полно, о зловещих тайнах, большая часть которых никогда не будет раскрыта. Рассказывал, между прочим, и о змейсах на службе рудокопам, и о патрульных змейсах, и о том, что неприрученные змейсы почти так же опасны, как донный дракон, называемый в просторечии Утробой. Посетители слушали, удивлялись – и в конце поездки нередко благодарили Варана монеткой. Он устроил в расщелине свой собственный маленький тайник, но этих денег не хватало не то что на ожерелье – на один маленький камушек.

Если посетитель требовал чего-то посложнее и поинтереснее, Варан усаживал его на покорную Журбину, а сам забирался на спину Кручине. Вел тогда запутанными переходами, рассказывал о «самом центре скалы», при надобности объяснял спутнику, где и сколько предстоит пробыть под водой. Как ни странно, богатые любители темных подводных нор оказывались не такими щедрыми, как боязливые любители спокойных прогулок. Но Варан все равно время от времени что-нибудь получал.

Нила водила гостей чаще. Во-первых, змейсихи слушали ее лучше, во-вторых, Варан ей уступал.

В тот памятный день посетителя – посетительницу – должна была вести опять-таки Нила. Но посетительница оказалась малолетней дочкой заморского аристократа, спесивой и вздорной. Появившись в гостевом гроте, она первым делом окинула Нилу с головы до ног оценивающим взглядом.

– Вот так вырядилась, – сказала, глядя на расшитые камушками Нилины штаны. – Ты что, все свое состояние на штаны прилепила, девка? Тогда где оловянные монеты?

Хозяин заговорил с гостьей почтительно, отвлекая ее внимание от Нилы; та же, как стояла, так и застыла, глядя в пространство белыми от бешенства глазами.

– Не обращай внимания, – выдохнул Варан ей на ухо. – Шуу с ней...

– Я ее не поведу, – так же шепотом отозвалась Нила. – Варан, выручай...

Он испытывал к сопливой аристократке чувство не менее сильное, чем Нила, однако не мог не прийти любимой на выручку.

– Я готов, – сказал он хозяину, и тот мгновенно все понял и кивнул:

– По светлому кругу. Малым ходом. Понял?

Личный слуга аристократки – круглощекий тип с заплывшими жиром глазами – посадил ее на спину Журбине так ловко, что девица даже не замочила платья. Усевшись, она первым делом ударила змейсиху пятками; покладистая Журбина повернула голову и зашипела.

– Ваша милость, – мягко сказал хозяин, – серпантеры – злобные и опасные животные. В ответ на ваш удар Журбина может сбросить вас в воду... Увлечь в глубину... Укусить... Я прошу вас – просто сидите в седле, ваш проводник все сделает сам.

– Если эта тварь, – сообщила девица с неподражаемым высокомерием в голосе, – осмелится забрызгать мне платье – мой отец выкупит ее у вас для своей живодерни... Понятно?

Варан погрузился, предчувствуя неприятную поездку. Кручина под ним вполне разделяла его опасения – нервно била хвостом по воде, вертела рогатой головой и то и дело облизывалась раздвоенным языком.

– Вперед, – сказал Варан самым спокойным голосом, на который в тот момент был способен.

И они тронулись.

* * *

– У моего отца пять сотен рабов, на каждом золотой ошейник, к ошейнику приделан золотой колокольчик, и когда все колокольчики одновременно звенят – получается аккорд... У меня три лошади, суслик и своя крылама. В моей комнате круглый год цветут пять розовых кустов. Ты когда-нибудь видел розы?

– Да, – отвечал Варан, чтобы хоть что-нибудь ответить.

– А вот и врешь, не мог ты их видеть. Вы тут живете среди воды и камня, едите рыбу и ничего не видите. А мир, между прочим, велик. В прошлом году летом мы с отцом ездили в страну вулканов. Ты знаешь, что такое вулкан?

– Нет.

– И никогда не узнаешь, можешь быть спокоен... Так, у меня вода в левой туфельке.

– Но ведь это водная прогулка, ваша милость. И потом... Попробуйте ровнее держаться в седле.

– Ровнее в седле? А ты знаешь, слуга, что я летаю верхом на крыламе, а это немножко труднее, чем хлюпать на этих твоих рептилиях... Мне обещали чудеса подводных пещер. Ну и где тут чудеса?

Юная аристократка – на вид ей было лет пятнадцать – произнесла эту реплику в «каменном саду» – гроте, где посетители обычно глазели по сторонам, разинув рот от восхищения. Снизу грот был подсвечен солнцем, сверху свисали «ветви» и «цветы» – белые известковые отложения. Блики воды танцевали на них, и казалось, что «сад» живет, колыхнется, дышит.

– Посмотрите, – Варан поднял руку. – Вон там, над нами...

– Ну и что? – аристократка пожалала плечами. – Если прогулка не оправдывает моих ожиданий, мальчик, мой отец купит для живодерни не только серпантер, но и тебя, твоего хозяина, эту девку в расписных штанах...

Она отвернулась и снова ударила Журбину пятками. Змейсиха хлестанула по воде хвостом.

– Ты где-то был, кроме этого своего островка? – спросила мерзавка, не замечая ни возмущения Журбины, ни остекленевших глаз Варана.

– Нет.

– И не будешь, разумеется. Ты хоть живешь здесь, наверху – или там в сырости, где сейчас дно?

– Я поддонок, – сказал Варан сквозь зубы.

– Ну надо же, – рассеянно продолжала аристократка. – А если я брошу в воду монетку – ты сможешь ее поймать?

Не дожидаясь ответа, она открыла кошелек, привешенный к поясу, и бросила в воду монету – как успел заметить Варан, в одну шестую реала. Монетка опускалась почти невидимая, пока не попала в солнечный луч и не замерцала, как рыбка.

– Что же ты не прыгнул?

– Она слишком быстро тонет, – признался Варан.

– И где она теперь? Что, это правда, что под нами бездна?

– Нет. Под нами дно, только очень-очень глубоко. Монетка упадет на дно, и осенью кто-то ее отыщет.

– Слушай, слуга, – аристократка посмотрела на него внимательнее, чем прежде. – Вы со своим сбродом подсунили мне дурацкую скучную прогулку... Я согласна простить вас, если ты меня немножко развлечешь.

– Как?

– Я очень люблю смотреть, как ныряют за разными вещами. За монетками. Смотри, вот здесь у меня треть реала... Лови!

Она метнула монетку, и Варан прыгнул прежде, чем успел подумать.

Треть реала – светлая монета и довольно большая. Варан видел, как она погружается, суетливо покачивая круглыми боками. Он нырнул головой вниз, в несколько рывков достиг монетки – но промахнулся, и она выскользнула из ладони. Он рванулся глубже и тогда наконец-то ее поймал; сжав монетку в руке, он с опозданием понял, как это мало. Треть реала – для того, чтобы купить Ниле ожерелье, надо нырять триста раз!

Ему захотелось разжать руку, но он удержался.

Под водой было светлее, чем в гроте. Варан видел горящую под солнцем поверхность снаружи, видел брюхо скалы в зеленых пятнах водорослей, видел тусклую, как натянутый рыбий пузырь, поверхность грота внутри. Ему не хотелось возвращаться к дрянной избалованной девке, в чьей власти ему предстоит пробыть еще как минимум час. Вот если бы он был рыбой...

Он повернул голову – и увидел.

Маленькая радуга в воде. Светлая прямоугольная бумажка. Вернее, не бумажка, а...

Они не тонут в воде и не всплывают. Если их притопить – так и будут дрейфовать, следуя течению. А в стоячей воде – неподвижно лежать, будто листочек зелени в рыбном желе.

Клады, сказал голос Нилы в голове. Тут полно кладов, тайников... Княжеская казна... Схроны контрабандистов...

Варан рванулся, боясь, что наваждение рассеется и плывущая в толще воды денежная бумажка окажется всего лишь солнечным бликом. Рванулся, выбросил вперед руку, схватил...

Пальцы ощутили плотную, мягкую, приятную на ощупь ткань денег. Варан развернул купюру, присмотрелся...

Сто реалов! Сто реалов! Сто!

Он понял, что ему не хватает воздуха. Что до поверхности еще плыть и плыть, а грудь уже разрывается. Что он сейчас утонет с деньгами в руке...

Вырвавшись головой на поверхность, он долго кашлял, задыхаясь, чувствуя, как кровь приливает к щекам.

– Достал? – нетерпеливо спрашивала аристократка. – Я уж думала, ты утонул... Достал или нет?

Варан, не в силах вымолвить слова, помотал головой.

– И это хваленые местные ныряльщики! – протянула аристократка, не скрывая разочарования. – Чуть не утонул, а все равно не достал...

Варан кашлял. Сто реалов жгли судорожно сжатую ладонь. Вдруг заметит, спросит: «Что там у тебя?»

Ухватившись рукой за уздечку Кручины, он незаметно переложил деньги в карман штанов.

Остаток путешествия прошел, будто в мутной воде. Аристократка постоянно чего-то требовала, на что-то жаловалась, била пятками бедную Журбину; змейсиhi нервничали все сильнее. А Варан, обмерев в седле, видел только одно: как он протягивает ювелиру сто реалов. Не глаза Нилы, когда она увидит подарок, не перемигивание огоньков в белых и голубых камнях – а ювелира, глядящего на сто реалов в Варановой руке. Седого загорелого горни с выцветшими бровями и залысинами на лбу.

Тягостная прогулка наконец закончилась. Аристократка затеяла спор с хозяином, отказываясь платить оговоренную сумму; Варан потихоньку проскользнул в грот с гамаком. Хотел снять и выкрутить мокрую одежду – но в последний момент испугался потерять или испортить деньги. Его колотил озноб; кое-как обтеревшись сухими тряпками, он выбрался наверх по узкой лестнице и, никому ничего не говоря, кинулся на базар.

* * *

– Где тебя носит?! – накинулся хозяин, когда он вернулся, задыхаясь от бега, прижимая к груди полотняный мешочек. – Хотел тебя с гостями отправить, пришлось Нилу посылать... Где ты был?

– Нила с гостями? – спросил Варан, все еще прижимая мешочек к груди. – А когда... Когда она вернется?

– Да ты совсем очумел, парень, – заметил хозяин, внимательно к нему приглядываясь. Прежде Варан не был замечен ни в дерзости, ни в небрежении обязанностями. – Что такое с тобой стряслось?

Варан счастливо улыбнулся:

– Я... подожду. Можно?

– Можно, – сказал хозяин, совсем озадаченный. – Нельзя, что ли?

Варан прошел в грот, где обычно держали змейсих, и улегся в гамак, не отрывая ношу от груди.

Он скажет: «Это тебе». Нет, он скажет: «Это тебе мой свадебный подарок». Нет, он ничего не скажет, промолчит... Просто распустит шнурок на мешочке, и тогда она увидит сама.

Может быть, в гроте слишком темно? Попросить ее подняться на свет? Нет, она не любит солнце... Здесь, в пещерах, ее глазам удобнее всего... А искорки в глубине камней горят так ярко, что светятся даже в полной темноте... Так сказал ювелир...

Варан закрыл глаза всего на минутку. Тут же появилась Нила и встала рядом с гамаком. Он крепче сжал полотняный мешочек и приготовился сказать давно придуманные слова, но губы не разжимались во сне. Нила, не желая ждать, взяла его за плечи и крепко тряхнула.

Варан открыл глаза.

Вечерний свет солнца из-под воды угасал. Грот освещен был факелами. Незнакомый человек в серебристо-черной куртке стражника тряс Варана за плечи, за его спиной стояли бледный хозяин и ювелир.

– Поднимайся, – сказал стражник почти добродушно.

Варан моргал, не понимая – закончился сон или только начинается.

– Я ничего... – начал он и запнулся.

Стражник обернулся к ювелиру:

– Он?

Ювелир – пожилой загорелый горни с выцветшими бровями и залысинами на лбу – произвел жест птицы, склевывающей зерно:

– Он.

– Пошли к судье, – сказал стражник Варану.

– За что?!

– А ты не знаешь?

Вода в гроте закипела. Показалась сначала рогатая голова Кручины, а потом – Нила с распущенными по плечам мокрыми волосами.

Оглядела собравшихся, ничего не понимая. Побледнела – это было видно даже при свете факелов. Плотнее схватила за уздечку; хотела что-то сказать, но хозяин быстро махнул ей рукой, и слова остались у Нилы в горле.

– Не знаешь? – повторил стражник и взял из помертвевших рук Варана полотняный мешок. Распустил шнурок, вытряхнул на ладонь ожерелье; замерцали в полутьме синие и белые камни.

Шумно вздохнула Кручина. Нила не издала ни звука – неподвижно сидела в седле, глядя то на Варана, то на ожерелье, то на стражника. По плечам ее скатывалась вода.

- Я купил это, – к Варану вернулась твердость. – Я не украл. Я заплатил.
- Деньги-то фальшивые, – глухо сказал ювелир. – Фальшивая сотка, парень.

* * *

Пещера Справедливости, иначе Тюремная Кишка, имела один только выход. Судьи и подсудимые, обреченные на смерть разбойники и сам князь, пожелай он спуститься в Кишку за какой-то надобностью, обязательно должны были пройти сквозь строй вооруженной стражи, миновать шипастые ворота и каменную дверь, такую низкую, что входить в нее приходилось едва ли не на четвереньках.

Поток людей, заглатываемых и изрыгаемых Кишкой, не иссякал ни днем, ни ночью. Кто нес жалобу, кто – донос, а кого и вели на плаху. Сезон был в самом разгаре.

Варан шел, сопровождаемый стражником, через весь город. Почти у самых ворот Кишки его догнал задыхающийся от бега, но странно бледный отец:

- погоди! Служивый! погоди, пойдем вместе! Он же сопляк...

Стражник окинул его равнодушным взглядом:

- Отец?

- Ну...

- Иди в канцелярию, пиши прошение.

- Мне к судье надо...

Стражник, будто играючи, снял с плеча пику-гарпун с зазубренным наконечником. Направил в грудь Варановому отцу:

- Иди в канцелярию.

Отец посмотрел Варану в глаза.

Наверное, был еще шанс удрать. На вечерних улицах – толпы, можно затеряться. Можно нырнуть в какую-нибудь лавку и переждать погоню. Можно пробраться ночью в порт, напроситься гребцом на уходящее за море судно, можно уехать – и никогда не возвращаться. Никогда больше не видеть берегов Круглого Клыка – и Нилу...

Варан стоял за спиной стражника, никем особенно не охраняемый. Переминался с ноги на ногу, как будто вечерний теплый камень жег босые ступни.

- Пошли, – стражник снова закинул пику на плечо.

И Варан пошел.

Тюремная Кишка освещалась масляными лампами. Откуда-то несло сквозняком; поговаривают, что через вентиляционные щели можно сбежать. Варан слышал такой разговор давным-давно, еще когда помогал родителям в харчевне; двое загорелых пузатых моряков шептались в уголке под тентом, а Варан протирал столы и все слышал...

Сквозняк вел по лицу ледяной струйкой.

Стражник сдал Варана с рук на руки судейскому чиновнику в потертом черном балахоне. Тот отвел его в низкую полукруглую пещеру, где, рассевшись на гнилых циновках, ждал своей участи целый выводок всякого сброда – человек пятнадцать, один другого страшнее. Покачивались серьги в больших темно-коричневых ушах, зыркали недобрые, нездоровые глаза; кто-то бранился, кто-то храпел, кто-то молча смотрел в покрытый потеками потолок. Один тощий и плешивый, по виду явно нездешний, канючил и ныл в уголке, растирал грязные слезы по морщинистому лицу: он-де ни в чем не виноват, он жертва, просто жертва, ясно вам?..

Его забрали первым.

Потом стали забирать одного за другим, иногда быстро, иногда с промежутком в полчаса. Из зала суда никто не возвращался.

– Пивка бы, – мечтательно сказал голый до пояса, с круглым животом бородач, сидевший неподалеку от Варана. – Не дадут ведь. На последних просьбах, сволочи, экономят. Повисну до рассвета, парень, и ты повиснешь... А пивка бы хоть глоточек. Напоследок.

Варан отвернулся.

Бородача забрали предпоследним, и Варан остался в пещере один. Тряпки, игральные кости, осколки раковин с выцарапанными на них голыми красавицами, рассыпанный по полу табак – весь скарб, брошенный за ненадобностью, остался лежать на камнях, напоминая о тех, кто недавно был жив и еще не мертв, но застыл на пороге на несколько часов – до рассвета...

– Эй, – крикнул стражник от двери. – Парень! Иди...

И Варан пошел.

Чиновник сидел за низким столом, колченогим – но, несомненно, деревянным. Чиновник выглядел утомленным; глаза его воспалились и нехорошо блестели. Свечи в канделябрах сгорели больше чем наполовину.

– Разбой? – спросил устало.

Варан молчал.

– Имя, – сказал чиновник, раздражаясь.

– Варан...

Чиновник мельком просмотрел разложенные на столе раковины. Выбрал одну; надел очки – не темные, как у поддонков, но со светлыми стеклянными линзами. Сморщился, разбирая чужие, по-видимому, записи.

– Шуу что такое, – сказал, внезапно забыв об усталости. – Нет, это Шуу что такое!

И обернулся к стражнику в дверях, да так резко, что едва не сбросил на пол канделябр:

– Позови Слизняка, быстро!

– Его честь в такое время спит, – неуверенно предположил стражник.

– Подними его! – повысил голос чиновник. – Что он думает – с этим делом можно ждать до рассвета?!

До рассвета, подумал Варан, и у него ослабели колени.

* * *

«Сим довожу до сведения его светлости Князя Круглоклыкского, что пятьдесят второго дня сезона триста пятнадцатого от воздвижения Империи незнатный горни Тырк, состоящий в цехе ювелиров острова Круглый Клык, получил сто реалов одной купюрой в уплату за ожерелье о пяти синих и пяти белых камнях, причем платеж сей был произведен неким поддонком, обывателем того же Круглого Клыка. Спустя час пятнадцать минут после свершения сделки ювелир, желая совершить некоторые мелкие выплаты, снес купюру на обмен в Денежный Дом. Служащий Дома, незнатный горни Ребрик, ввиду большого опыта заподозрив неладное, поспешил предъявить купюру на проверку господину Императорскому магу Круглоклыкскому. Господин Императорский маг письменно засвидетельствовал, что купюра в сто реалов – фальшивая, изготовлена с отменным искусством и на простой глаз неотличима от настоящей, а стало быть, представляет угрозу для всех честных торговцев Круглого Клыка и подрывает благополучие Империи, о чем он, господин Императорский маг, поспешил уведомить лично Императорского главного казначея. Будучи поднята по тревоге, сыскная служба вашей светлости провела дознание и скоро выяснила имя молодого поддонка, купившего ожерелье. Оказалось, что некоторое время назад он был задержан по делу о разбое, но поручительством отца и общины освобожден. Ввиду особой важности дела прошу ваше сиятельство поучаствовать в нем лично.

С нижайшим почтением – судья и дознаватель Верон-Беломидий (Слизняк)».

* * *

– Я велю позвать палача, – чиновник потер ладони, – и тогда ты заговоришь по-другому, щенок! Кто дал тебе деньги?

– Я нашел их в море, – повторил Варан, глядя прямо перед собой. – Я вожу посетителей... на змейсах...

– Кого ты куда водишь, мы знаем! Кто дал тебе деньги? У тебя есть последний шанс избежать дыбы. Кто?

– У меня есть свидетель, – сказал Варан, с трудом проталкивая слова сквозь сухое горло. – Молодая... дама, вчера она каталась на... она бросила монету, я нырнул...

– Монету в сто реалов?

– Нет... Монету в треть реала... я нырнул и увидел, что деньги плывут...

Чиновник желчно рассмеялся:

– Деньги плывут, ну ты посмотри на него! Хватит, мне надоело это слушать, Васко, беги за Шкуродером...

– Там есть клады, – упрямо продолжал Варан. – Я подумал, что водой смыло чей-то тайник...

– Ага, чужой тайник! И ты никому не показал, никого ни о чем не спросил, побежал покупать побрякушку?

– Да, – Варан чувствовал, что тонет, что поверхность воды отдаляется, а грудь уже рвется изнутри. – Я давно хотел... ожерелье. Я хотел его подарить невесте. У меня есть невеста...

– Как зовут молодую даму? – спросил человек, сидящий в углу за простым каменным столом. – Ту, что видела, как ты нашел деньги?

Варан наморщил лоб:

– Я... не знаю. Хозяин, спросите у хозяина, он знает... он поможет ее найти...

– Мы тратим время, Слизняк, – пробормотал чиновник, прикрывая ладонью воспаленные, лихорадочно блестящие глаза.

Тот, кого звали Слизняком, пожал плечами. Тяжело поднялся, удалился в темный сводчатый коридор; в глубине коридора мерцали бледно-голубые огни. Варану вспомнились камни на бархатке – пять белых, пять синих...

За спиной скрипнула дверь. Варан обернулся; сзади, очень близко, стоял старик с волосами такими длинными, что они доходили ему до плеч. Варан сроду не видел, чтобы мужчины носили столь бесконечные волосы. Шкуродер, содрогнулся Варан. В ту же минуту стражники вытянулись по стойке «смирно», а чиновник поспешно поднялся из-за деревянного стола:

– Ваше сиятельство...

Длинноволосый махнул рукой. Описал по залу широкий круг, остановился, помахал под носом у чиновника знакомой радужной бумажкой:

– За полреала! За полреала умельцам голову снимали. Нарисуют радугу на бумажке, обольют воском... Ночью на базаре всучивают простакам... А днем, если не слепой, – видно же, что подделка... А эту я не различил бы! И сейчас в руках держу – не верится... Сядь, Суслик...

И, будто не в силах устоять на месте, его сиятельство князь Круглоклыкский описал по залу еще два стремительных круга.

Варан видел князя раз или два, да и то издали; тогда на князе был парадный головной убор и высокий, расшитый золотом воротник. И уж конечно, Варан не надеялся – да и не желал никогда – видеть князя так близко.

Сто реалов лежали на столе, источая радужное сияние. Варан сидел, боясь пошевелиться. Князь, кажется, вовсе его не замечал:

– Завтра поползут слухи... Купцы откажутся принимать купюры в сто реалов. Начнется беспокойство, паника... Мошенники, явившиеся к нам со всех сторон света, не преминут этим воспользоваться... Сегодня в казне нет ни одной фальшивой купюры – а что будет завтра? Завтра Денежный Дом рухнет, мои милые, его снесут толпы меняльщиков...

Он вдруг обернулся к Варану и уставился на него в упор, и стало ясно, что показное равнодушие князя к Варановой персоне – не более чем игра. Его сиятельство прекрасно знал, кто виноват во всех бедах Круглого Клыка; длинные седые волосы, казалось, готовы были встать дыбом.

– Кто дал тебе сотку?

– Я нашел ее в море!

– Во-от, – князь снова отвернулся, как будто потеряв к Варану интерес. – А ведь наш господин маг уже дал знать своим, в столицу... Императорской казне одной вот этой головы, – он махнул рукой по направлению к Варану, – будет мало. Она захочет вашу голову, дознаватель Суслик. И голову главного судьи Беломидия... Кстати, где Слизняк?

Варан окончательно потерял интерес к происходящему.

Его голову списали в расход; его шкуре вынесли приговор. Он никогда не увидит сплошных облаков, подсвеченных солнцем сверху, никогда не увидит Нилу... Никогда не нырнет в теплое море. Никогда не сосчитает звезд.

И сделалось равнодушно.

* * *

Его не стали казнить сразу. И даже допрашивать больше не стали. Отвели в крохотную комнату с циновкой из сухих водорослей; опустившись на колючую подстилку, Варан вспомнил «чердак» и Нилу, и от этого его равнодушие сменилось тоской.

Прошел день, а может быть, два – ведь солнца под землей не было, только тусклая масляная лампа. Варан лежал, глядя в темный потолок, и вспоминал каждый поворот, каждый грот, каждый блик на потолке подводных пещер.

Кормили сносно. Хотя Варану есть все равно не хотелось.

На третий день – а может, на второй? – его снова отвели в судейскую пещеру, но не на оглашение приговора, а на встречу с юной аристократкой, в чьей комнате, если верить ее словам, круглый год цветут пять розовых кустов.

На этот раз аристократка выглядела куда менее уверенно. Ее сопровождал отец – кряжистый бородач в плаще с золотой отделкой на воротах и подоле.

– Я бросала ему монеты, – говорила девчонка, глядя в пол. – Он нырял. Я бросила шестинку, потом третушку. За третушкой он прыгнул, но все равно не поймал.

– Вы видели его руки, когда он вынырнул? – спросил дознаватель по прозвищу Слизняк. Девчонка беспомощно оглянулась на отца:

– Он сказал, что не поймал. Не могу же я проверить...

– В руках у него что-то было?

– Я не видела.

– Ничего необычного в его поведении вы не заметили?

Девчонка чуть вздернула нос, в ее голосе прорезались прежние спесивые нотки:

– А я не знаю, какое поведение у поддонков обычное, а какое необычное... Я не смотрела на него. Делать мне нечего – разглядывать слуг.

– Я спрятал руки за змейсихой, – сказал Варан. – Я сразу подплыл к Кручине, и...

– Заткнись, – уронил Слизняк, и Варан замолчал.

– Ваша честь, – сказал отец девчонки, и голос у него оказался глубокий, как Тюремная Кишка. – Мне кажется, моя дочь достаточно помогла правосудию Круглого Клыка. Теперь позвольте нам продолжить отдых, который, впрочем, уже безнадежно испорчен...

– Приношу свои извинения, – Слизняк слегка поклонился, – и не сомневаюсь, что князь Круглоклыкский щедро восполнит нанесенный вам ущерб... Вы можете быть свободны.

Стражник отступил от двери, открывая проход аристократу с дочкой. Уходя девчонка на мгновение оглянулась, чтобы бросить на Варана заинтересованный взгляд – но отец взял ее за плечо и поволок прочь, дверь закрылась, и стражник встал на свое место.

– Месяц назад тебя взяли с разбойниками, – не глядя на Варана, сказал дознаватель Слизняк. – Их повесили, тебя отпустили. Почему?

– Потому что я не разбойник. Община Круглого Клыка за меня поручилась... Наоборот, я крикнул – «стража», и за это меня...

Слизняк поднял голову, и под взглядом его Варан замолчал.

– Община, – с легким презрением проговорил Слизняк. – Община и теперь за тебя горой. Три прошения подали князю... Честный поддонок, мол, не может предать своих, он чтит Императора и сезон, разбоем и подделкой промышляют пришлые... Все правильно. Если бы я делал фальшивые сотки – я бы первым делом пропускал бы их через руки таких вот честных поддонков, чтобы снять возможные подозрения... А деньги – это деньги. Это дерево, сушняк, надежная крыша в межсезонье... Так?

– Я нашел эту сотку в море, – сказал Варан безнадежно.

– Она там родилась? Вылупилась из икринки?

Варан молчал.

– Проще всего было бы повесить тебя сегодня, – сказал Слизняк, тяжело раздумывая. – Может быть, и для тебя же лучше... Но дело императорское. Уже не остановишь и ничего не изменишь. Свидетелей у тебя нет... Дурак, если ты действительно поймал сотку в море – почему не показал никому? Отцу? Матери? Той же невесте?

Варан молчал.

– Куда ни кинь – ты виноват, – продолжал Слизняк. – Возможно, ты на службе у фальшивомонетчиков, они разбрасывают свои подарочки твоими руками и руками таких, как ты, неприметных и вроде бы невинных... Хотя, надо признать, мальчишка с соткой в ювелирной лавке – это не такое уж заурядное событие... Может быть, ты должен был все-таки отдать ее отцу? Тебе поручали отдать ее отцу, не так ли?

– Мне не поручали...

– Но ты виноват. Если ты никому не служишь – ты виноват в том, что присвоил чужие деньги с легкостью... По закону Клыка найденная вещь считается принадлежащей бывшему владельцу до тех пор, пока не будет доказана его смерть, или отбытие за море, или отказ от вещи. Найденные же деньги, хозяин которых не объявился, считаются собственностью общины, если найдены внизу, и собственностью князя, если найдены наверху...

– Я нашел их в море. Не внизу. Не наверху.

Слизняк взглянул на Варана с интересом. Коротко вздохнул:

– Будь эти деньги настоящими... но они фальшивые. И теперь твою судьбу решаю не я... и даже не князь. Решать твою судьбу будет Имперский маг, возможно, он настоит на том, чтобы отправить тебя на дознание в столицу... возможно, станет допрашивать сам. Помолись Императору и призови на помощь всю свою удачливость, если она у тебя есть.

* * *

Лежа на сухих водорослях, Варан пытался вспомнить все, что он знал о магах.

Они сидят в подземелье за длинным столом. Они делают императорские деньги, печати, верительные грамоты. Под деревянными креслами, обвившись вокруг резных ножек, лежат спрятанные от глаз хвосты... А раз в семь лет хвост отпадает, как у ящерицы...

Неужели все эти семь лет маг не поднимается с кресла? Не спит? Не ходит в сортир?

Варан качал в полусне головой. Ну что за бред его занимает. Ясно же, что маги вовсе не ходят в сортир. И наверное, не едят... Не спят с женщинами...

Откуда они берутся? Говорят, магами рождаются... Где рождаются? Почему?

Варан никогда не видел императорского мага на Круглом Клыке. Хотя много раз смотрел из-под ладони на башню – самое высокое место острова, каменный палец над княжеским дворцом. Предполагалось, что в башне живет волшебник, присланный лично Императором. Говорили, он очень стар и никогда не спускается вниз. Говорили, по ночам он стоит на балконе и нюхает воздух и по одному запаху знает, кто о чем сожалеет и кто в чем виноват; правда, совсем недавно отец говорил, что мага, скорее всего, вообще нет. Круглый Клык – не столь важная провинция, чтобы присылать сюда мага; в межсезонье, если честно, Круглый Клык вообще ничего не стоит – дыра дырой...

Но главный судья Слизняк сказал, что маг есть. А Варан склонен был верить судье.

Завтра Варана поведут в башню. А оттуда, вернее всего, в столицу на крылах. Варан всю жизнь мечтал о двух вещах – полетать на крылах и побывать в столице. Теперь его желания исполнятся – но не Император помог в этом, а Шуу. Проклятая Шуу, подсунувшая Варану одуряющие деньги в радужном сиянии, проклятый соблазн, и ведь он купился...

Утро было снаружи или вечер, помнила его Нила или уже забыла – Варан спал, и ему снилась частая сетка, накинутая по весне на донные посева, – чтобы не унесло течением.

* * *

Башня, издали тонкая и хрупкая, изнутри обернулась серой и мрачной утробой. И совершенно пустой – в ней не было ничего, кроме лестницы. Лестница вилась вдоль стен спиралью, все выше и выше, а в пустоте между ее витками гулял ветер. Ветер шелестел и выл, рвал полы одежды, тербил волосы.

Поднимались в молчании – первым его сиятельство князь, потом дознаватель Слизняк, потом Варан, которого никто не связывал и не сторожил, но которому некуда было деваться – разве что с лестницы вниз головой, как в воду.

Его сиятельство стал задыхаться уже на второй сотне ступенек, потому шли медленно, часто останавливаясь передохнуть. Князь нюхал какие-то травы, шумно вздыхал, бормотал под нос; Слизняк стоял, как статуя в развеваемых ветром одеждах. Тогда Варан честно пытался осознать торжественность момента – он, мелкий поддонок, оказался в таком обществе, в таком месте... Но священный трепет не приходил. Князь был просто старый человек с неудобными волосами до плеч, одышливый и нездоровый. Дознаватель Слизняк был просто машина, вроде отцовского винта, хорошая машина за работой. Не было торжественности, и даже страха уже не было – только усталость.

Постояли – снова пошли. Одолели почти целый виток. Князь закашлялся и остановился. Башня дышала; пел ветер, поднимался снизу поток теплого воздуха, и в этом потоке летел сухой мусор – листья, перья, трупки насекомых.

– Хватит, – тяжело сказал князь. – Сами идите. Не помрет господин колдун, – его сиятельство придержал пальцем нервно дернувшуюся щеку. – Полномочия, – он стянул с униженных перстнями руки одно маленькое желтое колечко, – предъявишь... Скажи – сам. Пускай. Все сам.

Князь вжался спиной в каменную стену, и мимо него по узкой лестнице прошли сперва Слизняк, потом Варан. Поравнявшись с князем, Варан услышал кислый запах его дыхания.

Дальше подъем пошел быстрее. Князь стоял внизу и смотрел, как они карабкаются, виток за витком; потом князя не стало видно в полутьме.

Ближе к вершине башня заострялась. Колодец между витками лестницы делался все уже, ветер в нем выл все громче, а смотровые окна попадались все реже. Наконец, Слизняк остановился перед темной дверью.

– Храни нас Император, – пробормотал под нос и что-то еще добавил, чего Варан за шумом ветра не разобрал.

Желтое кольцо, переданное Слизняку в качестве верительного документа, звякнуло о медную ручку. Еще и еще – три торжественных раза.

Слизняк ждал ответа; Варан вдруг вспомнил, зачем он здесь, вспомнил, что его ждет отправка в столицу и затем императорский суд – и съеденный накануне тюремный завтрак забился в его животе, как птица, желающая свободы.

Дверь приоткрылась – как раз настолько, чтобы мог протиснуться нетолстый человек. Слизняк посторонился, предлагая Варану идти первым. Варан помотал головой; Слизняк взял его за шиворот и пропихнул вперед, навстречу судьбе. Варан сделал по инерции несколько шагов – и остановился.

Обиталище мага по роскоши своей могло, наверное, удовлетворить самого Императора. Пол, стены и даже потолок были обшиты деревом, и не узенькими планочками – широченными досками, светлыми и темными, желтыми, коричневыми и почти черными. Прожилки, по которым десятилетиями и веками где-то там, в фантастических лесах, бродили древесные соки, теперь образовывали странный, но явно осмысленный узор. Варан стоял на одной ноге, боясь опустить вторую, потому что пол был мозаичный – из разных древесных пород, и отшлифован до блеска, и теплый. Варан, если бы мог, взлетел бы и завис в воздухе, лишь бы не осквернить драгоценное дерево прикосновением босых, перепачканных тюремной грязью ног...

– Князь Круглоклыкский в моем недостойном лице приветствует его могущество Императорского мага, – сказал Слизняк, поклонившись вежливо, но без заискивания. – Вот преступник, о котором было доложено.

Варан вертел головой и слабо улыбался, пытаясь собраться с мыслями. За дни, проведенные в Тюремной Кишке, он привык считать себя преступником; за длинный путь от подножия башни к ее вершине он привык считать себя мертвецом. Он готов был к ужасу этой минуты (взглянуть в лицо настоящему магу, выслушать приговор, узнать всю правду о предстоящих испытаниях), – но, вот досада, не чувствовал ничего, кроме растерянности и робкого восторга. Это же сколько лет надо прожить дереву, чтобы нарастить такой ствол! Это где же земля, способная питать такие корни! А крона?! В ее тени поместится, наверное, не один десяток человек...

Его ощутимо пихнули в спину:

– Поклонись, дурень...

Он поклонился так низко, что коснулся рукой пола. Отдернул руку – нельзя... Наверное, нельзя лапать это великолепие, будь он, Варан, магом – отрубил бы любопытные пальцы...

– Волнения, конечно, были, – сказал Слизняк, будто отвечая на незаданный вопрос. – Но, поскольку больше фальшивых денег не появилось... А его сиятельство князь умело разъяснил своему народу, что слухи о фальшивых сотках – не более чем вымысел заезжих мошенников... Вы с полным основанием можете сообщить Императору, что Круглый Клык не распространяет подменных денег.

– Но, возможно, он их производит, – сказал другой голос, отрешенный и холодный, как вода на большой глубине. Варана передернуло от звука этого голоса. Он снова завертел головой, пытаясь разыскать среди деревянной мебели – стульев с высокими спинками, столов с узорчатыми столешницами, легких резных ширм – того самого Императорского мага, который решит его судьбу.

– Единственный человек, – сказал Слизняк с ощутимым сожалением, – способный пролить свет на вопрос о подменных сотках... Вот этот молодой поддонок, что перед вами. Спросите его, и да поможет нам всем Император...

Вторую половину фразы Слизняк произнес едва слышно, себе под нос.

В этот момент Варан разглядел, наконец, Императорского мага. Тот сидел вполоборота к вошедшим, глядя в раскрытое окно, и выглядел куда лучше, чем в тот день, когда Варан встретил его, вооруженного бесполезным зонтиком, на нижней пристани.

Разумеется, вспомнилось все. Брезгливая мина, за которую Варан сразу же невзлюбил гостя, свой собственный отказ накормить и напоить. Путь вверх на отцовском винте, соскользнувшая скоба, проклятый Лысик...

– Что, дружок, – молвил маг все так же холодно, – влип?

Его длинные волосы закрывали уши и касались плеч. Как у князя, грустно подумал Варан. Только настоящий горни может позволить себе такую прическу...

Он казался старше, чем тогда в поддонье. Он не просто держался с достоинством – он был воплощенное величие. Даже глаза, бесцветные под серым небом межсезонья, теперь оказались стыло-голубыми. Под стать холодному голосу.

– Удивительный это край – Круглый Клык, – проговорил маг, будто раздумывая. – Здесь даже неграмотные сопляки умеют подделывать императорские деньги...

– Я не сопляк, – мрачно сказал Варан. – И я грамотный.

И поразился собственной наглости. Не зря говорят, что Тюремная Кишка меняет человека...

Маг усмехнулся. Сложил руки на груди; складки светлой хламиды, покрывавшей его от шеи до пят, поменяли рисунок. Блеснул красный камень в перстне – на указательном пальце правой руки.

– Ваше могущество, – медленно сказал Слизняк, прекрасно уловивший издевку. – Этот поддонок – всего лишь пособник. Он – единственная ниточка между правосудием и преступниками...

Маг кивнул. Сколько ему все-таки лет, подумал Варан. Тогда мне показалось, что восемнадцать или вроде того... А теперь боюсь, как бы не все тридцать... Может, это вообще не он?

В этот момент маг остро взглянул на Варана, и сразу стало ясно: он. Может, ему сто лет или двести. Он же маг... Откуда Варану, мелкому поддонку, такое знать?..

Маг смотрел на Варана. Лучше весь сезон просидеть в Тюремной Кишке, чем минуту выдерживать такой взгляд.

– Вот встретил бы тогда поласковее, – сказал маг, неожиданно подмигивая. – Не смотрел бы волчонком, не желал застрять у Шуу в заднице... Кто знает, как все обернулось бы?

Конец, подумал Варан. И закрыл глаза; и тут же открыл их только потому, что испугался – сочтут ведь трусом...

– Что ж, – маг поднялся. Светлая хламида упала вдоль тела, нижней кромкой коснувшись древесной мозаики на полу. – Что ж теперь... Я привезу Императору пособника, – маг посмотрел на Слизняка, и Варан увидел, как дознаватель сам, первый, отводит взгляд:

– На то воля вашего могущества.

– Император получит перепуганного мальчишку, на все вопросы отвечающего: «Нашел в море»...

– Я не перепуганный, – хрипло вставил Варан.

Маг ухмыльнулся:

– Хорошо... Император получит очень храброго поддонка, знающего о происхождении фальшивой сотки не больше, чем вы, дознаватель Верон-Беломидий по кличке Слизняк... Или чем его сиятельство князь. Или любой мальчишка, торгующий на базаре лакированными ракушками...

– Мы не знаем, что он знает, – глухо возразил Слизняк.

Маг подошел к нему вплотную. Ноздри Варана дернулись – проходя мимо, хозяин башни оставил частицу своего запаха, и это был запах древесного дыма. Легкий, едва ощутимый.

– Мы *знаем*, – маг проткнул собеседника взглядом, как иголка подушку. – Мы знаем, что он подобрал в море то, что показалось ему очень ценным... Вы хоть сподобились снарядить поисковую команду – осмотреть подводные пещеры в том месте, где он нырял?

– Разумеется, – сказал Слизняк все так же глухо. – Но некоторые полости доступны только в межсезонье... Когда опустится вода.

– На что и рассчитывали подельщики, устраивая тайник, – устало заметил маг. – Ну, что мне еще передать Императору?

– Круглый Клык не опасен для денежной системы Империи, – угрюмо повторил Слизняк.

– Как не опасна бочка с порохом, пока рядом не упадет искра, – пробормотал маг.

– Близится конец сезона. Когда вода опустится, мы выследим человека или людей, которые попытаются открыть тайник.

– Вы ведь не знаете, где он находится. В этом камне Шуу знает, сколько дыр и тоннелей...

– Служба охраны располагает подробными картами, – не сдавался Слизняк. – В конце концов, это наше дело, его сиятельство князь до сих пор был доволен своими стражами...

– Упустили время, – пробормотал маг.

– Что?

– Следовало запретить кому-либо покидать остров с того самого момента, когда была обнаружена поддельная сотка...

О Варане забыли. Он стоял совсем близко у деревянной стены и боролся с желанием провести пальцем по прожилке. Все разговоры об Императоре, о деньгах, о судьбах Круглого Клыка скатывались с него, как дождевая вода со шкуры сытухи.

– Такой запрет означает обвал сезона, – после короткого молчания сказал Слизняк. – Мне страшно представить, какие последствия...

– А представьте ящик фальшивых соток, которые могут выплыть в оборот в любом уголке Империи?

– Империя велика, – снова помолчав, сказал Слизняк.

Маг кивнул:

– Ну да, ну да, лишь бы *наш* сезон прошел гладко, а там хоть море высохни... Да потрогай ты эту стенку, мальчик. Несчастные дети воды и камня – всякая деревяшка вызывает у них трепет...

Тогда Варан крепко, со всей силой отчаяния, прижался ладонями к теплему дереву.

* * *

– Нам сказали, что тебя казнили.

Нила сидела в гамаке. Варан стоял в округлом каменном проеме. Так и говорили, не двигаясь с места.

Нила изменилась. В одночасье стала старше. Вместо светлых штанов, расшитых камушками, на ней была длинная черная юбка. Варану теперь казалось – прошли годы с того дня, когда они виделись в последний раз.

– Нам сказали, что тебя казнили, – повторила Нила, разглядывая его силуэт. – Скажи... ты не мертвец?

– Нет. Меня отпустили. Так приказал Императорский маг.

– Мы триста раз ходили с прошениями, – сказала Нила после длинной паузы. – На триста первый нам сказали, что тебя...

– Да живой я! Сказали просто так – чтобы отцепились.

Варан злился невесть на кого. Он по-другому воображал себе эту встречу – с объятиями, слезами, может быть, даже обоюдными...

Нила сидела в гамаке – взрослая и чужая.

– Так мне можно остаться? – спросил Варан. – Или, раз уж меня казнили – до свидания, все?

– Нет, – сказала Нила еле слышно. – Раз уж ты живой... входи.

Глава третья

Ночью Варану приснилось, что Император издал указ – никого не выпускать с Круглого Клыка, пока не будет найден тайник с поддельными деньгами.

Варану снилось, что вокруг острова кольцом сомкнулись военные императорские корабли, а небо патрулируют всадники на крыламах. И что близится конец сезона, а остров набит отчаявшимися, злыми, напуганными чужаками. И что наступает межсезонье; мягкое солнце сезона становится белым и злым, выжигающим камень. Укрытий не хватает, вчерашние беспечные отдыхающие теперь умирают под палящими лучами, их трупы сжигают на пристани...

Варан кричал и просыпался, и снова засыпал, все время возвращаясь в тот же сон. Мать, дежурившая рядом с ним всю ночь, плакала и думала, что сыну снятся кошмары тюрьмы.

Днем он ходил по острову. Вглядывался в лица; все были спокойны, беспечны и веселы. Император не может так с нами поступить, думал Варан. Императорский маг, обитатель башни, ну не настолько же бессердечен, чтобы такое сделать...

Сезон заканчивался. Приезжие скупали – да что там, мели подчистую – все лакированные ракушки, резные украшения из соли и камня, картинки из перламутра, кошельки и сумки из кожи сытухи, кованые поделки рудокопов с Малышки...

Варан прошел мимо знакомой ювелирной лавки, не останавливаясь. Меньше всего ему хотелось видеть того самого ювелира с его выгоревшими бровями и залысинами на бронзовом от солнца лбу...

Хорошо бы найти тайник, думал Варан. И тут же с тоской понимал: нельзя. Если именно я найду «клад» – потом уже не удастся доказать, что прежде я никогда не видел этих фальшивых денег...

Хорошо бы, скорее закончился сезон. Тогда жизнь переменится, и все, что случилось, забудется. И отступит проклятая угроза – приказ Императора о превращении Круглого Клыка в одну большую тюрьму...

Он пришел в пещеру к змейсикам, когда солнце уже опускалось. Накануне ему так и не удалось добиться от хозяина четкого ответа – нужны ли его услуги или уже нет. За время, проведенное в тюрьме, никто ему платить не собирался, это ясно; но хоть полреала заработать на последних посетителях – и в этой малости будет отказано?

Он пришел решительный и злой. Хозяин, напротив, встретил его радушно:

– Не дуйся, дружок, будет для тебя работа, вот прямо завтра и будет... Нила наша с богатым горни по маршруту ушла. Парень нездешний, платит хорошо, – хозяин почему-то подмигнул, – даже более, я тебе скажу, чем хорошо, наши змеекрасотки столько не стоят... И Ниле он, я заметил, приятен. Так почему нет? Целый день на маршруте, я других заказов на сегодня и не принимал. Вернутся еще не скоро... До темноты пару часиков есть... Так завтра Ниле я думаю отдых дать, а ты поработай.

Варан попрощался, пообещав явиться завтра с рассветом. И пошел прочь.

Вдоль дороги росли шиполисты – растения заурядные и вместе с тем почтенные, удостоенные изображения на круглоклыкском княжеском гербе. В межсезонье они походили на вросшие в землю черные рыбы скелеты, зато в сезон выстреливали во все стороны огромными листьями и бледно-фиолетовыми цветами без запаха. Цветок шиполиста был размером с хорошую шляпу и, если его сорвать, не увядал три дня. Из листьев сооружали тенты, но главным образом – ограды вокруг чьих-нибудь владений, потому что листья, оправдывая название, покрыты были шипами и крючьями, способными поранить до крови.

Сейчас, в конце сезона, цветы шиполиста сменились плодами – тяжелыми шариками с торчащими в разные стороны иглами. Каждый год матери строго-настрого запрещали детям

бросаться «шипиками», и каждый год дети все-таки бросались, иногда уродуя себе лица навсегда...

Нависавший над дорогой шипастый плод задел Варана по макушке. Едва-едва – даже царапины не оставив.

Варан содрогнулся.

Разведя голыми руками колючие листья, увидел ствол – «рыбий хребет» – и ветки, обманчиво-тонкие.

Взялся за ту, что нависала над дорогой. Рванул изо всех сил. Ветка треснула, но не поддалась.

Варан рвал и рвал, и выламывал ветку, не обращая внимания на колючие листья, которые били его по плечам, на то, что из расцарапанного уха струйкой бежала кровь. Шиполист был исключительно крепким растением – он ведь рос на камнях и боролся за жизнь от самого рождения из семени. Варан наседали, как буря, беспощадно и слепо, и в конце концов выломал ветку. Зашелестели, падая на землю, листья. Глухо стукнул о дорогу плод.

Варан стоял и смотрел на дело исцарапанных рук своих.

...А что ему за дело? Нила может хоть весь Круглый Клык водить в ту пещеру, где сухая трава и книга с размытыми страницами... Сегодня она повела туда богатого горни. Кого водила раньше, пока Варан сидел в Тюремной Кишке? Их так много, богатых, щедрых; кто-то, может, и сподобится на дорогой подарок – ожерелье... На подарок, который можно носить, не таясь. Который не заберут стражники, не обвинят в мошенничестве или воровстве...

...А что ему за дело?

Она скажет: я не просила тебя ни о чем. Никаких подарков. Не считай, что я в чем-то виновата, что ты из-за меня попал в беду. Ты пострадал из-за собственной глупости и спеси... Ты поддонок, а я наполовину горни. Знай свое место...

Кровь из расцарапанного уха заливала воротник тонкой нитяной рубашки – дорогой, между прочим, мать купила ее на радостях – оттого, что сын вернулся... Варан обнаружил, что идет назад. Медленно, спотыкаясь, но идет – к морю, к пещерам.

Он развернул себя, как разворачивают тачку. Домой, приказал. Мама ждет, и отец тоже.

Солнце коснулось моря. Варан смотрел на огненную дорожку, по которой шагать бы и шагать – в те края, где деревья растут до неба.

Надо умыться, подумал отстраненно. Я, дурак такой, перемазался по уши в собственной крови. Что подумает мать, когда увидит? Надо искупаться и рубаху застирать...

Он повернул обратно и через несколько шагов побежал. Не свернул на тропинку, ведущую к пещерам; добежал до края скалы и, оттолкнувшись, с разбега полетел вниз.

Так ведь можно угодить и на камень, подумал уже в полете.

Море и небо перевернулись. Мелькнул закат и погас. Варан пробил собой водную гладь и снова, в который раз, подумал: будто ныряешь в тугой барабан или бубен...

Вода перед глазами немножко замутилась – это смывалась кровь.

Он повисел, отдыхая, в вихре пузырьков. Потом, сильно ударив ногами, пошел на поверхность. Отдышался и огляделся; скала нависала стеной. Высоко в небе покачивались кроны шиполистов.

Отсюда на сушу был один только выход – маленький сквозной грот, который можно было найти, только зная приметы. Варан в последний раз оглянулся на солнечную дорожку – и нырнул в темноту.

...Он подстержет их! Они непременно поплывут здесь, возвращаясь к змейсовому стойлу. Он спрячется в воде, в тени, и услышит их разговор...

...Позорище. Отвратительно. Подлю.

...Так что же, сидеть на камне, как статуя Императора, и дожидаться голубков?

Он не успел ничего решить. В глубоком гроте послышался голос Нилы. Звук искажался, многократно отражаясь от стен и воды, но уже через несколько минут Варан смог различить слова:

– Круча! Н-но! Пошла, хорошая, Журбинушка, пошла!

Еще было время спрятаться.

Вода в пещере заходила волнами. Из темного узкого хода показалась Журбина; она шла, высоко подняв рогатую голову, из широких черных ноздрей вырывался водяной пар. Варан не думал, что ему так приятно будет снова увидеть склизкую чешуйчатую тварь.

На спине у Журбины сидел горни в куртке и штанах из кожи сытухи – такие продают на базаре приезжим «на память». Длинные мокрые волосы наездника прилипли к голове. Это был его могущество Императорский маг Круглоклыкский, горни Лереаларуун, или как его там. И он без всякого удивления приложил палец к губам; из темноты показались Кручина со всадницей. Варан сидел на мокром камне, скорчившись, как больная жаба.

– Ой! – только и сказала Нила. – Как?!

Варан не смотрел на нее. Смотрел на мага; тот снова казался с виду едва ли не ровесником – лет девятнадцать от силы. Подмастерье...

Змейсихи тоже заметили его. Забили хвостами; Журбина, неся на спине мага, подплыла совсем близко.

– А это мой помощник, – Нила улыбнулась магу. – Варан... Вот только не знаю, как ты сюда?..

– Со скалы прыгнул, – сказал Варан. – Поднырнул...

Зависла коротенькая пауза.

– Я думал, вы давно вернулись, – зачем-то соврал Варан.

Нила смотрела на него с подозрением.

– Садись, что ли...

И протянула руку.

От прикосновения ее ладони Варану сделалось горячо. Он взобрался на седло у Нилы за спиной; Кручина зафыркала. Маг держался на расстоянии вытянутой руки и, как казалось Варану, замечал малейшие подробности – изменение цвета кожи, изменение температуры щек, реакцию зрачков...

– Ты весь порезанный, – сказала Нила. – Дрался, что ли?

– С шиполистом.

Нила покосилась через плечо:

– Серьезно?

– Случайно, – снова соврал Варан.

– Журбина, вперед! – приказала Нила. Змейсиха скользнула вперед, оставляя за собой расходящийся волнами след. Маг в седле не обернулся.

Длинные волосы Нилы колыхались у Варана перед лицом. Слабо соображая, что делает, он намотал их на кулак.

– Ты что? – шепотом выкрикнула Нила.

– Где вы были? – Варан тянул и тянул, запрокидывая голову девушки назад. – Ты хоть знаешь, кто это?!

– Какая мне разница... Отпусти, придурок!

Кручина заволновалась. Застучала по воде хвостом.

– Перестань! – выкрикнула Нила громче.

– Ты была с ним? Была, да?

Нила ударила его локтем под дых – сильно и очень точно. Варан соскользнул с седла и чуть было не сдернул девушку, но Нила уцепилась за уздечку и не далась. Варану пришлось

выпустить ее волосы; он кувыркнулся в воду, а когда вынырнул – Кручина ушла далеко вперед. Варан остался один в темноте. Свет, проникавший снизу, из моря, слабел с каждой минутой.

Он поплыл вперед и плыл, наверное, не меньше получаса. Совсем стемнело; хорошо, что в этой части маршрута трудно было заблудиться. Варан плыл вдоль стены, время от времени нащупывая камень правой рукой.

Потом море засветилось.

Искры разлетались под руками, вертелись в водоворотах, вспыхивали и гасли, но не давали света. Варан плыл.

Потом впереди – там, куда он стремился, – рассыпалось зарево, и в сполохах зеленоватых искр возникла огромная – в темноте все кажется больше – змейсиха.

– Эй, – тихо сказала невидимая Нила. – Ты тут?

– Да, – отозвался Варан.

– А я думала, ты утонул, – сказала Нила.

Варан не ответил.

– Ты дурак, – сообщила Нила.

Варан молча согласился. Может быть...

– Давай руку, – сказала Нила.

– А я не вижу где...

– Да вот...

Он снова взобрался в седло за ее спиной.

– Какой ты холодный, – сказала Нила. – Бр-р...

И, повернувшись, обняла его за шею.

* * *

С самого утра она показывала «этому хлыщу» все подводные пещеры, до которых можно было добраться верхом. Они наскоро пообедали жареными моллюсками; они почти даже не говорили – только о деле. Сам по себе хлыщ ныряет, как надутый воздухом шарик, – голова вниз, все остальное на поверхности. Но он довольно быстро научился нырять на Журбине и вообще неплохо сошелся со змейсихой. В конце концов, они пробрались даже в тот колодец, ну, помнишь, там такой опасный узкий проход... Хлыщ не испугался и пожелал увидеть его тоже. Чего-то искал, но не нашел ничего, кроме дохлой змеи. Как она туда попала? Может, течением прибило?

Нила рассказывала, а Варан сидел у костра, сушил рубаху и слушал.

...В конце концов, они оба совершенно измотались – он потому, что относится к самой худшей породе изнеженных горни, а она потому, что все-таки за него отвечает, а шли они по таким местам, куда гостей водить опасно. И когда перед самым почти стойлом из воды вдруг вылез Варан со своими дурацкими, ну просто идиотскими подозрениями...

– Знаешь, я бы тебя утопила. Велела бы Кручинке пару раз хвостом стукнуть... Может, и жалко было бы потом.

– Кручинка меня любит больше, чем ты, – сказал Варан.

– Дурак, – Нила отвернулась. – Знаешь, что тут было... из-за тебя?

– Опять я виноват...

Пламя костра высвечивало стены, узор мха на камнях, рисунок трещин. Варан хотел рассказать о комнате, обшитой деревом, о прожилках для соков, когда-то текших внутри столетних стволов, – но испугался, что это не к месту. Или что Нила не поймет.

Дым тянулся вверх. Искал путь наружу. Вытягивался в дверной проем.

– Скоро конец сезона, – сказала Нила.

– Ты вернешься на Малышку? – спросил Варан, обрадованный возможностью сменить тему.

Нила покачала головой:

– Мать... Ну, короче, мать договорилась, чтобы меня взяли наверх. Княжна, ну, князева дочка, хочет большую свиту...

Варан молчал, пораженный этой новой бедой.

– Я думала, – отрешенно продолжала Нила, – что ты... Ну, что тебя уже – все... Поэтому согласилась. А теперь поздно менять... Слушай, может, и тебе... Тут, наверху, тоже люди нужны. Хотя бы и на пристани...

Варан вспомнил причальника Лысика.

– Нет. У меня дом, поле, отец, мать, сестры... И ведь мы хотели пожениться – ты помнишь?

Нила отвела глаза:

– Помню.

– И что теперь?

Нила пожала плечами:

– Не знаю.

– У тебя кто-то есть? – свирепо спросил Варан.

Нила улыбнулась:

– Нет... Когда ты ревнуешь, ты смешной.

– Смейся, – предложил Варан. – А ты знаешь...

Он вдруг вспомнил, что не успел сообщить Ниле о том, кем на самом деле был «этот хлыщ». Он уже открыл рот, чтобы сказать, чтобы увидеть на ее лице растерянность, недоумение и страх – и вдруг понял, что говорить ни в коем случае нельзя. Так она забудет его через день – а зная, станет вспоминать сегодня и завтра, перетряхивать в памяти детали, придавать им новый смысл; незначительный образ «хлыща» укрепитя и вырастет, питаемый любопытством...

– Что? – спросила Нила.

– Ничего, – Варан отвернулся. – Давай спать.

* * *

На другой день он провел по малому маршруту чьего-то зазнавшегося слугу – самоуверенного и наглого, в отсутствие хозяина мнящего себя господином. Варану, впрочем, было не привыкать – он ни разу не потерял терпения. Уходя слуга бросил ему мелкую монетку на чай; Варан поймал.

Больше заказов не было.

Варан оседлал Журбину (Кручина, чем дальше, тем свирепее проявляла норы) и отправился в пещеры – один. Добравшись до «каменного сада» – места, где была найдена сотка, – натянул поводья и велел змейсике остановиться.

В расщелине скалы нашел подходящий камень – не очень большой, но и не маленький, обросший ракушками. Прижав камень к груди, нырнул.

Брюхо у Журбины было желтое, лапы враспырку. Варан опускался все ниже, почти не прилагая усилий. Здесь нет дна; камень будет падать и падать, пока не ляжет на чей-нибудь огород...

Вода все сильнее наваливалась на уши. Варан судорожно сглатывал, выпускал из носа пузырьки воздуха; среди толщи воды ему виделось радужное сияние. После тюрьмы оно мерещится всюду: в выгребной яме, в тарелке супа, в морской глубине...

Воздух в груди перегорел, превратившись – так казалось – в жгучую смолу. Варан выдохнул его, пузырь за пузырем, поднимаясь на поверхность; схватил воздух ртом. Отдышался. Снова полез в расщелину – на поиски нового камня.

Журбина смотрела на него с насмешливым удивлением.

– Отдыхай, – сказал ей Варан. Змейсиха утомленно положила голову на воду, так что над поверхностью остались только ноздри, глаза да рога.

Он нырял еще и еще. Звенело в ушах, кололо в груди. Камни попадались легче и тяжелее, один раз Варан нырнул так глубоко, что едва сумел выбраться...

Близился вечер. Пробивающийся из-под воды свет сделался очень теплым, мутно-опаловым.

– В последний раз, – хмуро сказал Варан Журбине. – Ты уж подожди меня, не злись.

И нырнул.

И почти сразу увидел радужное сияние.

Выронив камень, он завис в толще воды, растопырив руки и ноги, как змейсиха. В десяти шагах – если расстояние под водой можно мерить шагами – смутно переливалась маленькая радужка.

Нет-нет, подумал Варан. Из ноздрей его вырывались пузырьки, уходили наверх, где никто, кроме Журбины, не ждал.

А если она настоящая? Вдруг вывалилась из кармана давешнего спесивого слуги?

Он схватил купюру. Лихорадочно огляделся, но вокруг не было ничего, кроме воды, темной внизу, светлой – с бликами – над головой. Тогда, зажав деньги в кулаке, он ринулся наверх.

На поверхности, очень некстати, у него пошла носом кровь. То и дело вытирая губы тыльной стороной ладони, он велел Журбине плыть домой.

Нилы, по счастью, не было в гроте. Возможно, она еще не вернулась с базара, а возможно, просто вышла по какой-то надобности и вот-вот могла вернуться. Найдя в пещере самое светлое место, Варан разглядел купюру внимательнее. Вторая сотка была точной копией первой.

Варан решил, что самое время сесть и подумать.

А вдруг купюра настоящая, ныл тоненький внутренний голосок. А вдруг на нее можно купить лодку и уплыть с Круглого Клыка хоть сегодня? Уплыть в кильватере большого корабля – к тем землям, где леса до неба...

Этот молодой поддонок, сказал князь, нашел тайник с фальшивыми деньгами и тем отвел от нашего острова угрозу карантина. Он заслуживает награды. Пусть он теперь будет горни и живет под солнцем со своей женой...

Варан поднялся – и снова сел.

Да засунь ты эту купюру куда-то под камни, чтобы никто не нашел. Забудь о ней, будто и не бывало... Что, соскучился по Тюремной Кишке?

Где две купюры – там, значит, есть еще? И когда они выплывут? И кто их поймает?

Если только дойдет до князя... Даже не так. Если только дойдет до мага – остров будет немедленно заперт от всего мира, не разъедутся гости, не придут плотогоны. Нечем будет топить в межсезонье. Нечем будет кормить невольных узников. А на следующий сезон – и на последующий, и еще, и еще – богатые горни повезут семейства куда угодно, только не на «этот проклятый Круглый Клык»...

Варан сунул купюру за пазуху. Он решил пойти к отцу; в последнее время он слишком часто полагался на себя и слишком явно совершал глупости. Пойти к отцу и рассказать все как есть: у Варана будто камень свалился с души. Он выбрался из пещеры и, то и дело вытирая губы (проклятая кровь все не унималась), запрыгал с камня на камень к дороге.

– Далеко собрались?

Варан споткнулся. Человек, появившийся неведь откуда, загоразивал ему дорогу; у человека были серо-голубые глаза и длинные волосы. Широкополая шляпа бросала тень на слишком бледное – не по сезону – лицо.

– Откуда кровь? – спросил Императорский маг, подходя ближе. – Донулся?

Варан отступил на шаг. Отнял от лица руку; губы сразу же сделались мокрыми и противно-липкими.

– Стой, – повелительно сказал маг, протягивая руку, и Варан обмер.

– Это не тебе, – маг усмехнулся уголком рта. – Пошли...

– Куда?!

– Куда-нибудь, где ты мог бы морду вымыть...

Кровь на лице подсыхала, стягивая кожу. Варан подумал, что можно выбросить купюру так, чтобы маг не видел. Или теперь уже нельзя?..

Не сводя с него глаз, маг снял с пояса баклажку. Вытянул пробку, протянул:

– Умойся.

Варан плеснул из баклажки на ладонь. Руку свело от холода – вода была ледяная и чистая. Варан осторожно лизнул – так и есть, пресная, не иначе, как из личных князевых запасов. Глупо и даже бесчестно тратить такую воду на умывание.

Проведя мокрой рукой по лицу, он вернул баклажку хозяину:

– У нас здесь пресную просто так не льют.

– Строго, – маг прищурился. – Может, напьешься?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.